

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

ЗА ТРИ ЧАСА ДО СМЕРТИ

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО
№ 4173/24

Заявление
Прошу считать мое предидущее
заявление недействительным.
Претензий не имею.
Все изложенное мной ранее
было недоразумением.

12.10.2024

Сидоров
Александр

Ты еще пожалеешь.
19:04 19:04
Мы все знаем.
19:07 19:07
Это не закончится.
19:11 19:11

Журнал действий в системе

19:02	Просмотр дела № 4173/24
19:14	Редактирование файла
19:27	Удаление записи
20:03	Восстановление (ошибка)
20:41	Вход под другим пользователем

00:37:21

17:03

Марк Вельский

За три часа до смерти

<https://litres.ru/74673412>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла в полицию и сказала, что муж собирается её убить. На следующий день её нашли мёртвой.

Вера Лебедева боялась за свою жизнь. Она принесла доказательства угроз, рассказала о побоях и попросила защиты. Больше всего она переживала за маленькую дочь.

После её гибели в материалах дела обнаруживается странный документ. Согласно ему, за три часа до смерти Вера якобы признала, что никаких угроз не было.

Под документом стоит подпись участкового Андрея Полякова. Но он точно знает, что ничего подобного не подписывал.

Пытаясь выяснить, откуда взялась подделка, Поляков оказывается втянут в расследование, где за каждым новым свидетельством скрывается чужая ложь, а за обычными служебными решениями — чьи-то тщательно оберегаемые тайны.

Постепенно становится ясно: смерть Веры может быть связана с событиями, о которых она сама узнала незадолго до убийства.

И кто-то очень заинтересован в том, чтобы правда так и не вышла наружу.

Содержание

Глава 1. Не звоните ему сегодня	5
Глава 2. Человек у двери	13
Глава 3. Одиннадцать четырнадцать	20
Глава 4. Женщина в белом шарфе	28
Глава 5. Бумага терпит	36
Глава 6. Чужой муж	44
Глава 7. Что осталось у Светланы	52
Глава 8. Вторая папка	60
Глава 9. Подпись в журнале	68
Глава 10. Обратный маршрут	76
Глава 11. Человек, который подтвердил	82
Глава 12. До первого звонка	89
Глава 13. Женщина, которая уехала	96
Глава 14. Седьмое приложение	104
Глава 15. Пятнадцать минут	111
Глава 16. Служебный номер	119
Глава 17. Два экземпляра	129
Глава 18. Второй выход	138
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Марк Вельский

За три часа до смерти

За три часа до смерти

Марк Вельский

Глава 1. Не звоните ему сегодня

Вера Лебедева попросила не записывать имя дочери.

— Её зовут как угодно. Напишите «ребёнок». Пожалуйста.

Майор полиции Андрей Поляков подвинул к себе лист с объяснением. Женщина сидела напротив него, не снимая пальто. Тёмно-синий воротник был поднят, словно в кабинете дуло. Из-под рукава выглядывала узкая полоска пластыря.

— Возраст ребёнка указать придётся, — сказал он. — Имя в объяснении сейчас не обязательно. Вы хотите рассказать об угрозах в отношении вас. Давайте с этого и начнём.

— Ей двенадцать.

— Сейчас она где?

— У моей матери. Это безопасно.

Поляков не стал спрашивать, откуда Вера знает, что там безопасно. Люди, которые приходили с подобными заявлениями, обычно уже продумали пути отступления. Не всегда верные, но продумали.

Было семь часов сорок две минуты вечера. За дверью дежурной части разговаривали двое мужчин: один настаивал, что у него украли самокат, другой объяснял разницу между кражей и забытым возле магазина имуществом. Принтер время от времени втягивал бумагу с сухим треском. В кабинете пахло кофе из автомата и мокрой курткой, которую По-

ляков оставил на спинке стула.

— Ваш муж сейчас живёт с вами?

— Формально мы женаты. Уже три месяца — нет. Он снял квартиру у «Войковской». Приходит, когда захочет.

— У него есть ключ?

— Был. Замок я поменяла.

— А сегодня?

Вера посмотрела на его ручку.

— Сегодня он сказал, что успеет войти раньше полиции.

Поляков записал фразу дословно.

Он работал в районе девятнадцать лет. За это время услышал достаточно угроз, произнесённых в пылу ссоры, и достаточно угроз, которые потом исполняли. С первого разговора отличить одни от других невозможно. Раньше он позволял себе выбирать на слух. Теперь старался не делать этого.

— Как он это сказал?

— По телефону. В семнадцать двадцать шесть. Запись есть.

Она положила на стол мобильный. Экран был в трещине, пересекавшей фотографию девочки в жёлтой куртке. Вера открыла список вызовов, нашла аудиофайл, но воспроизвести не решалась.

— Можно я сначала расскажу, почему записывала?

— Конечно.

— Он уже приезжал. Во вторник. Стучал так, что соседи вызвали охрану. Я тогда не открыла. Он говорил через дверь,

что заберёт Соню. Я включила запись. Думала, если всё повторится, у меня будет доказательство.

Имя дочери она произнесла сама и тут же замолчала. Поляков ничего не исправил в документе. На столе уже лежало первоначальное заявление, принятое дежурным. Там было записано только, что супруг угрожает убийством и требует вернуть ребёнка в прежнюю квартиру.

— Вера Сергеевна, я должен предупредить: сам факт подачи заявления не означает, что мы можем немедленно запретить ему к вам приближаться. Если опасность непосредственная, звоните в экстренные службы. И лучше не возвращаться туда, где он вас ищет, пока мы выясняем обстоятельства.

— Я туда и не собираюсь.

Поляков поднял глаза.

— Тогда почему вы так боитесь, что он войдёт?

— Потому что завтра мне всё равно придётся приехать домой.

— Зачем?

— Там документы. И лекарства матери. Она должна была забрать их ещё в среду, а я не смогла открыть квартиру. Ключи только у меня.

Вера говорила спокойно, без привычной для Полякова попытки убедить собеседника в каждом слове. Он отметил это про себя — и почти сразу вычеркнул мысленную пометку. Манера говорить ничего не доказывала.

— Давайте послушаем запись.

Телефон произнёс мужским голосом:

— Я заберу то, что моё.

Затем женский голос: «Соня не вещь». Мужчина что-то ответил, звук сорвался, словно аппарат прижали к ткани. После короткой паузы он сказал уже отчётливее:

— Ты думаешь, бумажки тебя спасут? Я зайду. И ты не успеешь никого позвать.

Поляков попросил разрешения сохранить копию. Вера согласилась. Он объяснил, что запись потребуется при проверке, а её содержание ещё предстоит оценить вместе с остальными обстоятельствами. Потом записал сведения о предыдущих эпизодах и свидетелях.

На вопрос, были ли побои, Вера ответила:

— В сентябре он схватил меня за горло. Следов не осталось. Я ходила в травмпункт из-за руки, но сказала, что упала.

— Справка сохранилась?

— В электронной карте, наверное.

— В какой травмпункт обращались?

Она назвала адрес. Поляков записал его, не обещая немедленно получить медицинские документы.

За дверью постучали. В щель заглянула старший лейтенант Мария Суркова.

— Андрей Сергеевич, дежурный просит вас на минуту.

— Через десять.

Суркова заметила женщину, кивнула и закрыла дверь. Вера проводила её взглядом.

— Она тоже всё слышала?

— Только то, что мы сейчас сказали.

— У вас здесь многие друг друга знают?

— Это районное отделение. Да, знаем.

Вера опустила голову. Она долго разглаживала большим пальцем край пластыря.

— Мой муж знает одного вашего сотрудника. Они вместе играют в футбол. Я не знаю фамилии. Он иногда говорил: «Если что, там свои».

— Как зовут сотрудника?

— Не знаю. Олег показывал фотографию с командой, там все в одинаковых майках. Лиц не разглядеть. Может, просто хвастался.

Поляков записал и это. Имя мужа — Олег Лебедев, срок лет, мастер-приёмщик в автосервисе — стояло на первой странице заявления. Никаких высоких должностей, охраны или особых денег. Обычная семья, которая перестала быть семьёй и ещё не сумела разделить квартиру, ребёнка и собственные обиды.

— Можете переслать фото команды, если найдёте?

— Попробую.

Вера наконец сняла пальто. На предплечье была полоска пожелтевшего синяка. Поляков не стал рассматривать её без разрешения.

Они дописали объяснение около восьми. Женщина читала каждую страницу медленно. На второй попросила заметить «семейный конфликт» на «угрозы со стороны супруга».

— Потому что конфликт — это когда мы оба ссоримся, — сказала она. — А я уже три месяца прошу его не приходить.

Поляков исправил формулировку и распечатал лист заново.

Она подписала страницы синей ручкой. Подпись состояла из большой буквы «Л», длинного нисходящего штриха и двух тесных петель. Поляков видел её трижды, пока принимал бумаги, но ни разу не задумался, как она устроена.

В дежурной части Вере выдали талон-уведомление о регистрации обращения. Она положила его не в сумку, а во внутренний карман пальто.

— Копию записи сохранили? — спросил Поляков.

— Да.

— И адрес матери записан верно?

— Верно.

Он дал ей лист с телефонами служб помощи и ещё раз сказал, куда обращаться при непосредственной угрозе. Вера слушала внимательно, как человек, который старается ничего не пропустить, потому что второго объяснения может не быть.

У выхода она остановилась.

— Можно попросить вас об одном?

— Смотря о чём.

— Не звоните Олегу сегодня. Соня у бабушки. Она очень боится, когда он приезжает. Я хочу забрать её утром в безопасное место, а потом уже пусть он отвечает на ваши вопросы.

Поляков не мог дать обещание, которое связывало бы действия других сотрудников. Он объяснил это. Сказал, что просьбу зафиксирует и передаст исполнителю проверки.

Вера кивнула. Казалось, именно такого ответа она и ожидала.

— Спасибо, что хотя бы записали.

Она вышла в половине девятого.

У дверей её ждало такси. Поляков увидел через стекло, как она сверила номер машины с экраном телефона, обошла автомобиль сзади и только потом села. Эта осторожная последовательность почему-то запомнилась ему лучше, чем цвет её пальто.

Через три минуты он вернулся в кабинет и обнаружил на столе забытую серую перчатку. Второй перчатки не было.

Он вышел в коридор, но женщина уже уехала.

* * *

В двадцать один двенадцать Суркова принесла ему пакет с документами по другому материалу.

— Та женщина ушла? — спросила она.

— Ушла.

— Сильно напугана?

— Достаточно, чтобы прийти сюда.

— Муж?

— Муж.

Суркова положила пакет на край стола.

— Я видела его внизу.

Поляков поднял голову.

— Кого?

— Не знаю, он ли это. Мужчина стоял напротив входа, под навесом аптеки. Пока женщина оформляла талон, смотрел сюда. Потом сел в машину.

— Какая машина?

— Светлый универсал. Номер не заметила.

Поляков спросил, когда именно она его видела, и записал ответ. Суркова смутилась:

— Я не подумала, что это важно. Мало ли кто смотрит в окно.

— Теперь может быть важно.

Он открыл заявление Веры и ещё раз прочитал последнее предложение, написанное её рукой: «Прошу принять меры, поскольку опасаясь за свою жизнь».

Сверху лежала серая перчатка. На указательном пальце была маленькая круглая дырка, аккуратно обмётанная чёрной ниткой.

Утром он собирался позвонить Вере и договориться, когда она сможет привезти фотографию футбольной команды.

Утро наступило, но до звонка он не добрался.

Глава 2. Человек у двери

В пятницу, тринадцатого ноября, в пятнадцать ноль шесть Полякову позвонил дежурный.

— Андрей Сергеевич, вы вчера Лебедеву принимали?

— Принимал.

— Она погибла. Адрес сейчас сброшу. Следственная группа едет. Вас просят прибыть с материалом.

Поляков несколько секунд смотрел на экран. В списке входящих под последним вызовом стоял номер участкового пункта, куда он звонил утром по совершенно постороннему вопросу. На столе лежал запечатанный пакет с копией вчерашней аудиозаписи.

— Когда обнаружили?

— В четырнадцать пятьдесят две поступило сообщение. Женщина в подъезде. Предположительно насильственная смерть. Деталей пока нет.

— Кто сообщил?

— Соседка. Всё у группы.

Он спросил номер квартиры, хотя адрес уже обещали прислать. После разговора взял служебный телефон и набрал Веру. Вызов прошёл, но ответил не человек — автоматическое сообщение о недоступности.

Поляков открыл вчерашний материал. Название улицы было записано без сокращений. Дом, корпус, этаж. Он в тре-

тий раз проверил цифры и только тогда понял, что медлит.
— Маша, — позвал он Суркову. — Поехали со мной.

* * *

Двор у дома Лебедевых представлял собой узкий прямоугольник между двумя кирпичными корпусами. Машины стояли вдоль бордюра в два ряда, у мусорной площадки рабочий разгружал деревянные поддоны. На скамейке возле подъезда сидела девочка лет девяти с самокатом. Она следила за автомобилем полиции без любопытства — как за неприятной вещью, которую хочется скорее переждать.

У входа дежурил патрульный. Поляков показал удостоверение и спросил, где следователь.

— На третьем. Только не ходите к квартире, пока не вызовут.

В подъезде пахло краской и сырой шерстью. Между вторым и третьим этажами кто-то недавно менял светильник: из стены торчал короткий участок белого кабеля. Поляков остановился на площадке второго этажа.

Всё случилось не в квартире. Это он понял по расположению сотрудников. Один снимал дверную ручку на лестнице, другой измерял расстояние до перил. У стены стояла раскрытая сумка, из неё виднелся угол аптечного пакета и сложенный детский дождевик.

— Андрей Сергеевич?

Ему навстречу вышла следователь Следственного комитета Инга Белова. Невысокая женщина в чёрной куртке, с

тонкой папкой под мышкой. Поляков знал её по двум прежним делам. Она не терпела догадок, озвученных до осмотра, и никогда не повышала голос, чтобы заставить собеседника замолчать.

— Вы вчера принимали сообщение от Лебедевой?

— Я получил материал после регистрации и взял объяснение. Запись угроз приложена.

— Она говорила, что сегодня вернётся домой?

— Да. За документами и лекарствами матери. Я рекомендовал пока не возвращаться туда, где он её ищет.

Белова выдержала короткую паузу.

— Вы видели её после вчерашнего вечера?

— Нет.

— Разговаривали сегодня?

— Не успел.

— У вас был назначен созвон?

— Нет. Я собирался уточнить одну деталь.

Белова посмотрела в сторону третьего этажа.

— Сколько времени потребовалось бы, чтобы предотвратить это, мы сейчас не знаем. Поэтому расскажите только факты.

Поляков кивнул. Она провела его в квартиру соседки этажом выше, где можно было разговаривать, не мешая осмотру.

Хозяйку звали Тамара Петровна. Ей было шестьдесят восемь, она была учительницей русского языка на пенсии и го-

ворила с такой точностью, будто отвечала на экзамене. На столе стояла кружка с остывшим чаем. Рядом — телефон в старом прозрачном чехле.

— Я спускалась за почтой в четырнадцать сорок пять, — повторила она. — Сначала подумала, что кто-то упал. Она лежала возле двери на третьем, ближе к стене. Пальто было расстёгнуто. Я не трогала, сразу позвонила сто двенадцать.

— Раньше шум слышали? — спросила Белова.

— Что-то ударило около двух. Может, дверью хлопнули. Я в кухне была. Телевизор работал.

— Почему вы уверены, что около двух?

— Врач из передачи в этот момент рассказывал о давлении. Она всегда начинается без пяти два.

Белова записала название передачи, не соглашаясь с предложенным временем.

— Вы узнаете этого мужчину?

Она показала на телефоне фотографию Олега Лебедева. Тамара Петровна посмотрела мельком.

— Муж. Раньше приходил часто. Сейчас не видела. Домофон у нас на входе сломан, подъезд открывается без ключа.

— Сегодня его видели?

— С утра — нет. Вчера вечером вроде стоял во дворе. Но я тогда мусор выносила, лицо не рассматривала.

— У Веры были другие посетители?

— Женщина с папкой бывала. В октябре приходила дважды. Я думала, из школы.

— Как она выглядела?

— Молодая, светловолосая. Куртка бежевая. Всё.

Поляков отметил, как Белова подчёркивает слово «всё». Она не давала свидетелю добавить предположение вместо воспоминания.

— Что-нибудь о разводе Вера рассказывала?

— Она мало с кем говорила. Но на прошлой неделе попросила меня, если увижу Олега возле квартиры, сразу ей позвонить. Сказала, он не должен заходить к Соне.

— Дочь сейчас где?

— У бабушки. Слава богу.

Белова попросила Тамару Петровну показать историю звонков и проверить, во сколько та связалась со службой спасения. Затем разрешила вернуться к своим делам.

Когда дверь закрылась, Поляков спросил:

— Что известно о времени смерти?

— Эксперт пока говорит только о промежутке. Точное время выдумывать не будем. Есть следы борьбы, есть признаки насилия. Осмотр не закончен.

— Олег?

— Устанавливаем, где он был. Самое простое объяснение не становится верным только потому, что оно простое.

Поляков подумал о вчерашней записи: «Я зайду. И ты не успеешь никого позвать».

— Она прямо предупреждала нас, — сказал он.

Белова посмотрела на него.

— Вот это сейчас особенно опасная фраза. Она предупреждала об угрозе. Не называла нам убийцу заранее.

* * *

На улице Поляков вышел за ограждение, чтобы позвонить матери Веры. Номер женщина указала в объяснении как контакт для экстренной связи. Он начал набирать номер, остановился перед последней цифрой и отдал телефон Беловой.

— Пусть сообщает тот, у кого материалы о смерти. Я не уверен, что смогу ответить на вопросы.

Белова согласилась. Разговор занял пять минут. Поляков не слышал слов на другом конце, только как следователь несколько раз повторила адрес следственного подразделения и сказала, что ребёнка сейчас лучше оставить с родственниками.

Суркова ждала у служебной машины.

— Я нашла аптеку, — сказала она. — У нашего отделения. Камера смотрит на тротуар. Попросила сохранить запись за вчерашний вечер, пока группа не оформит получение.

— Хорошо.

— Там действительно стоял светлый универсал. Хозяин аптеки вспомнил. По его словам, водитель ходил туда-сюда и говорил по телефону.

— Номер машины?

— На его камере задний номер может попасть в кадр. Пока не смотрела. Попросила ничего не удалять.

Поляков хотел сказать, что она сделала всё правильно, но

заметил, что Суркова напряжённо смотрит за его плечо.

— Что?

— Вчера я видела того мужчину, — сказала она. — А сегодня женщина мертва. Я должна была сразу сообщить вам, пока он ещё стоял там.

Поляков вспомнил, как сам положил забытую перчатку на стол и решил позвонить только утром.

— Мы оба должны были сделать больше, — произнёс он.

— Это не ответ.

— Знаю.

Они сели в машину. Поляков достал из папки копию первоначального заявления. Бумага была чистой, без помарок, внизу стояла подпись женщины. Он снова увидел ровный нисходящий штрих и две тесные петли.

Эту подпись он теперь помнил наизусть.

Ещё через двадцать минут оказалось, что придётся запомнить другую.

Глава 3. Одиннадцать четырнадцать

В пятницу в двадцать часов пятнадцать минут Полякова вызвали к начальнику отдела.

Полковник Юрий Васильевич Зотов редко оставался на работе так поздно без причины. Сейчас он сидел за столом без пиджака. На подоконнике лежала папка, в которой Поляков сразу узнал зелёную обложку материала Лебедевой.

— Садитесь, Андрей Сергеевич.

В кабинете находились Белова и сотрудник подразделения собственной безопасности, которого Поляков видел впервые. Мужчина представился Романом Чистяковым и сразу открыл блокнот.

Зотов подвинул к Полякову лист.

— Узнаёте?

В верхнем углу значилось: «Дополнительное объяснение». Ниже — фамилия Веры Лебедевой, её адрес и дата: 13.11.2026.

Поляков прочёл первое предложение.

«Ранее изложенные мной обстоятельства имели место на почве семейной ссоры и были восприняты мною эмоционально».

Ниже шёл текст о том, что непосредственных угроз убий-

ством не поступало, за здоровье и жизнь заявительница не опасается, а к супругу претензий не имеет. Последняя строка гласила: «Прошу учесть настоящее объяснение при рассмотрении моего обращения».

Под текстом стояла знакомая подпись. Большая буква «Л», нисходящий штрих, две петли.

«Объяснение получил майор полиции А. С. Поляков».

Под этой строкой была ещё одна подпись.

Его собственная.

Он прочитал документ второй раз. Затем поднял глаза.

— Я этого не составлял.

Чистяков не изменился в лице.

— В материалах документ есть. Поступил сегодня. На нём ваши данные.

— Не составлял, не подписывал и Лебедеву сегодня не видел.

— В одиннадцать четырнадцать вы где находились?

Поляков взглянул на время, напечатанное в правом верхнем углу листа.

— Проводил проверку по другому материалу. С десяти тридцати до полудня беседовал с директором управляющей компании. На Ленинградском шоссе.

— Кто может подтвердить?

— Директор, секретарь. Вход через пропускную систему. Я оставлял машину на служебной стоянке у здания.

— А служебный телефон?

— Был со мной.

Зотов сложил руки.

— Уточним. Лебедева вчера обратилась с сообщением об угрозах. Сегодня в материалах появился дополнительный лист, из которого следует, что она угрозы не подтверждает. Через несколько часов её обнаружили мёртвой. Лист оформлен от вашего имени. Так?

— Так выглядит бумага, — сказал Поляков. — Но события такими не были.

— Это и нужно установить.

Белова попросила пододвинуть ей документ.

— Андрей Сергеевич, ваше вчерашнее объяснение у нас есть. Запись угроз тоже. Вы сохранили исходный файл?

— Да. В служебной папке. Номер носителя указан в приложении.

— Сегодня к вам могли обратиться с просьбой дополнить материал? По телефону, через дежурного, по внутренней связи?

— Нет.

— Вы оставляли подпись на чистых листах?

— Нет.

Чистяков поднял глаза от блокнота.

— Я прошу отвечать без раздражения. Вопросы будут неприятные.

— Я отвечаю.

Поляков придвинул лист ближе. На копии его подпись вы-

глядела слишком ровной, как будто её перенесли из другого документа, но он тут же остановил себя. Это было не знание, а желание увидеть подлог там, где ему было жизненно необходимо его найти.

— Где оригинал? — спросил он.

На несколько секунд наступила тишина.

Зотов ответил:

— Сейчас устанавливаем. В деле была копия, подшитая поверх первоначального объяснения. Исполнитель, который передавал материал, говорит, что получил её уже в таком виде.

— А кто передавал?

— Вы об этом узнаете в установленном порядке, — сказал Чистяков. — Пока нам нужно ваше объяснение.

— Мне нужно, чтобы сохранили всё: регистрацию входящих документов, записи камер в коридоре, журнал движения материала, служебные компьютеры.

— Это уже организовано, — сказала Белова.

Она говорила без обещаний и без сочувствия. Поляков впервые был ей за это благодарен.

— Документ не прекращает проверку автоматически, — произнёс он. — Даже если бы Вера действительно сказала всё это. Зарегистрированное сообщение никуда бы не исчезло.

— Разумеется, — ответила Белова. — Но такой лист может повлиять на то, какие вопросы зададут дальше. И кому

поверят, когда ответы разойдутся.

Поляков посмотрел на время. Одиннадцать четырнадцать. Вера была жива ещё несколько часов. Подпись на бумаге утверждала, что она не боится за свою жизнь. Вчера он видел, как дрожали её пальцы, когда она складывала талон во внутренний карман пальто.

— Почему вы не спросите, где она была в одиннадцать четырнадцать? — сказал он.

Белова закрыла папку.

— Потому что сначала мне нужно установить, где был документ.

* * *

Объяснение у Полякова брали почти час. Затем Чистяков попросил служебный телефон и сообщил, что руководство временно отстраняет его от участия в проверке обстоятельств смерти Лебедевой. Формулировка была осторожной: до выяснения происхождения дополнительного объяснения.

У двери Белова задержала его.

— Серая перчатка, — сказала она. — Вы упомянули её в объяснении. Где она?

— В моём шкафу. В отдельном бумажном пакете.

— Почему в пакете?

— Хотел отдать хозяйке. Потом узнал о смерти и решил больше не трогать.

— Верно решили. Оформим получение.

Поляков кивнул и уже собрался выйти, когда Белова спро-

сила:

— Андрей Сергеевич, вы хорошо знаете собственную подпись?

— Достаточно.

— Тогда не пытайтесь объяснить мне, почему она выглядит похожей. Это установит исследование документов. Сейчас важнее другое: кто имел доступ к материалу между вашим вчерашним уходом и сегодняшним утром.

— Из наших?

— Это вы сказали.

Он остановился.

— Там могла быть ошибка? Кто-то подшил не к тому номеру?

— Могла. Но ошибка должна объяснить не только номер материала, но и имя Веры, дату, содержание объяснения и вашу подпись. Я пока не вижу такого объяснения.

Белова ушла в кабинет, оставив его в коридоре. У стены висела выцветшая схема эвакуации, с отошедшей от стены прозрачной пластиковой рамкой. Поляков много лет проходил мимо неё, не замечая. Сейчас он смотрел на рамку и думал о том, как легко чужой лист оказывается в правильной папке.

На лестнице его догнала Суркова.

— Я слышала, вас вывели из материала.

— Временно.

— Насколько?

— Не знаю.

Они спустились к дежурной части. Там былолюдно: мужчина спорил из-за задержанного автомобиля, женщина искала справку об утерянном паспорте, кто-то требовал вызвать начальника. Обычный вечер.

— Маша, — сказал Поляков, — если к тебе придут с вопросами о вчерашнем вечере, расскажи всё. Про машину, про женщину, про то, когда меня видела. Ничего не подгоняй под мою версию.

— Я и не собиралась.

Он усмехнулся.

— Правильно.

— Есть кое-что ещё, — сказала она.

— Что?

— Вы вчера перепечатывали вторую страницу объяснения. Из-за формулировки «семейный конфликт». Помните?

— Помню.

— Первую распечатку я забрала вместе с другими черновиками, чтобы уничтожить по правилам. И не успела.

— Где она?

— В закрытом контейнере на уничтожение. Его вывозят по понедельникам.

Поляков впервые за вечер почувствовал, что перед ним появился не только чужой документ, но и возможность проверить конкретный факт.

— Не трогай контейнер. Сообщи Беловой. Пусть осмот-

рят и изымут как положено.

Суркова кивнула.

— Почему это важно?

— Пока не знаю. Но если кто-то пользовался нашими бумагами, нужно установить, какими именно.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы думаете, подписи скопировали?

— Я думаю, что мы не должны угадывать раньше экспертов.

Эту фразу он произнёс слишком резко. Суркова отвела взгляд.

— Хорошо, — сказала она. — Я позвоню Беловой.

Когда Поляков вышел на улицу, он обнаружил, что впервые за многие годы идёт домой без служебного телефона. Смена продолжалась, люди обращались за помощью, машины подъезжали к отделению, а у него не было доступа даже к собственным записям.

Он достал личный телефон. На экране было сообщение от неизвестного номера, пришедшее шесть минут назад.

«Не ищите ошибку в подписи. Спросите, почему она вообще приходила к вам».

Глава 4. Женщина в белом шарфе

В субботу Поляков проснулся в шесть двадцать, хотя будильник был выключен.

В квартире пахло порошком: накануне вечером он запустил стирку и забыл развесить бельё. За окном стояла мокрая ноябрьская темнота. На столе возле чашки лежал телефон с анонимным сообщением.

Поляков перечитал его и закрыл экран.

Он не ответил. Номер мог принадлежать свидетелю, сотруднику, сообщнику убийцы или человеку, которому просто понравилась чужая новость. Сообщение не доказывало даже того, что отправитель знал Веру.

На кухне он открыл записную книжку, которой пользовался для личных дел. На чистой странице написал три предложения.

«Вера боялась мужа».

«Вера подала заявление».

«Вера мертва».

Потом оставил между ними большие промежутки. Их хотелось соединить стрелками, но это было бы подменой расследования.

Ниже записал четвёртое:

«Кто-то оформил объяснение от моего имени».

Эта фраза тоже требовала проверки. Пока было установ-

лено лишь, что в папке оказалась копия с его реквизитами. Он мог сколько угодно быть уверен в непричастности, но для остальных его уверенность не была доказательством.

В восемь позвонила Белова.

— Андрей Сергеевич, вам нужно приехать к нам к десяти. Получим уточнение по вашим перемещениям вчера утром. И покажем один материал.

— Какой?

— На месте.

— Я получил сообщение. Анонимное. Могу переслать скриншот и предоставить телефон для осмотра.

Она выслушала текст, попросила не удалять переписку и ничего не обсуждать с коллегами.

— Мне пока не нужен ваш собственный поиск отправителя, — добавила она. — Вы свидетель обстоятельств вчерашнего обращения и одновременно человек, чьи данные использовали в сомнительном документе. Не усложняйте нам положение.

— Я понимаю.

Он хотел сказать, что положение и без того усложнили другие. Не сказал.

* * *

В следственном подразделении Полякова встретила Белова. На столе лежали фотографии с камер наблюдения, распечатки телефонных соединений и два листа бумаги без заголовков. Следователь не предложила ему посмотреть матери-

алы до начала разговора.

— Сначала подтвердим одно обстоятельство. В пятницу в десять сорок восемь вы вошли в административное здание на Ленинградском шоссе. В двенадцать ноль три вышли. Это следует из журнала пропусков и записи камеры. Собеседники ваше присутствие подтвердили. Но само по себе это ещё не исключает возможности составления документа заранее.

— Я не составлял его ни заранее, ни потом.

— Я слышала.

Белова пододвинула фотографию.

На кадре из торгового павильона была видна женщина в тёмном пальто и белом шарфе. Она стояла у стойки и расплачивалась телефоном. Над изображением — время: 11:12:37, 13 ноября 2026 года.

Поляков наклонился.

— Это Вера?

— Похоже на неё. Мы получили предварительное подтверждение от работника павильона. Оригинальная запись сохранена, уточняем время камеры по независимым источникам. Окончательно утверждать не спешим.

— Где павильон?

— У Павелецкого вокзала.

Поляков поднял взгляд. Между вокзалом и отделением на Соколе было слишком большое расстояние, чтобы человек мог за две минуты оказаться в обоих местах.

Белова положила рядом второй снимок. На нём женщи-

на повернулась к выходу. Лицо было видно лучше. В правой руке она держала бумажный пакет и детские перчатки с рисунком лисы.

— Пока это одна из наших рабочих версий, — сказала следователь. — Если время записи подтвердится, значит, в одиннадцать четырнадцать Вера не могла находиться в вашем отделении. Но помните: одно изображение ещё не объясняет происхождение подписи.

Поляков почувствовал, как сильно хочет уже сейчас объявить доказательство окончательным. Оставаться осторожным было труднее, когда речь шла о собственной судьбе.

— Кто нашёл запись?

— Человек, с которым Вера встречалась за несколько минут до этого. Женщина по имени Светлана. Она сама обратилась к нам после сообщения о смерти. Утверждает, что Вера передала ей пакет, который велела отдать следствию, если перестанет выходить на связь.

— Что в пакете?

Белова не ответила сразу.

— Вы вчера спросили у Веры, почему она записывала угрозы?

— Да.

— И она сказала, что после прежних угроз решила собирать доказательства?

— Да.

— А ещё она говорила вам о работе?

— Нет. Я спрашивал только об обстоятельствах угроз.
Белова сняла верхний лист с небольшой стопки.

— Вера Лебедева работала специалистом по закупкам в компании, которая поставляет расходные материалы частным клиникам. Она передала своей подруге копии некоторых внутренних документов. Попросила хранить их отдельно.

— Как это связано с угрозами мужа?

— Пока неизвестно. Возможно, никак.

Она повернула к нему фотографию конверта. На лицевой стороне аккуратным почерком было написано: «Если со мной что-то случится, сначала проверьте даты».

Подписи не было.

— Внутри не признание и не список виновных, — сказала Белова. — Несколько счетов, копия договора, распечатанная переписка. Часть документов мы ещё проверяем. Но есть одна особенность.

— Какая?

— По этим бумагам невозможно понять, кто получил деньги. Зато можно понять, кто подписал акт о том, что работа выполнена.

Поляков посмотрел на лист.

— И кто?

Белова перевернула последнюю страницу. Внизу стояла фамилия человека, которого Поляков знал много лет.

Юрий Васильевич Зотов.

* * *

Они молчали почти минуту.

Поляков первым отвёл глаза. Он помнил Зотова ещё капитаном: аккуратный, строгий, требовательный к формальностям. Теперь полковник руководил отделом и подписывал сотни документов. Одна фамилия на неизвестном акте ничего не говорила о преступлении.

— Вы проверили, действительно ли он подписывал? — спросил Поляков.

— Проверяем. Акт относится к поставкам расходных материалов для ведомственного медицинского учреждения. По документам Зотов участвовал в приёмочной комиссии, когда работал в окружном управлении. Подпись может оказаться обычным служебным согласованием, не более. Я показываю вам документ не для того, чтобы вы сделали вывод о Зотове.

— Тогда зачем?

— Чтобы уточнить: Вера когда-нибудь называла его имя? Или говорила, что муж знает сотрудников вашего отдела?

Поляков вспомнил фотографию футбольной команды, о которой Вера упомянула, не желая называть никого без уверенности.

— Она сказала, что Олег Лебедев играл в футбол с кем-то из полиции. Фамилии не знала. Фото обещала прислать.

— Что за команда?

— Не сказала.

Белова записала ответ.

— Вы уверены, что не рассказывали об этом Зотову после приёма заявления?

Поляков прокрутил в памяти вчерашний вечер. Он докладывал об обращении дежурному, оставил материал на регистрацию, сообщил о возможном риске. Начальника отдела не видел. Однако отсутствие разговора тоже следовало проверить по журналу и записям, а не на слово.

— Лично не рассказывал.

Белова кивнула.

— Хорошо.

— Вы предполагаете, что начальник помогал Лебедеву?

— Я ничего такого не сказала. И попрошу вас не повторять этот вопрос никому, кто не участвует в проверке. Нам надо установить происхождение документа, движение денег и обстоятельства смерти. Это три разных направления, пока доказательства не связывают их.

Она убрала фотографию акта обратно в папку.

— Есть ещё один момент, Андрей Сергеевич. Ваша вчерашняя заявительница отправила Светлане короткое сообщение в одиннадцать двадцать одну. Меньше чем через девять минут после кадра из павильона.

— Что написала?

Белова протянула распечатку.

«Не верь, если скажут, что я передумала. Я ничего не забирала».

Поляков несколько секунд смотрел на эти строки.

Ещё вчера он думал, что самое страшное в деле — женщина, которой не помогли вовремя. Теперь в деле появился кто-то, кто заранее готовил объяснение того, почему помогать было не нужно.

И сама Вера, судя по её последнему сообщению, об этом знала.

Глава 5. Бумага терпит

На следующий день после разговора с Беловой Поляков впервые не поехал в отдел. Он оделся, проверил карманы, взял ключи от машины и только у лифта вспомнил, что ехать ему некуда.

В воскресенье утром город выглядел вымытым не дождём, а холодом. На тротуарах блестела тонкая корка льда. У подъезда женщина пыталась оторвать от стекла автомобиля примерзшую квитанцию о парковке. Поляков постоял рядом, будто собирался помочь, и вернулся домой.

На кухонном столе лежали две фотографии: он и его дочь на берегу реки десять лет назад. Дочь жила с матерью в другом районе. Звонила исправно по воскресеньям, хотя разговоры давно сократились до вопросов о работе и здоровье. Он посмотрел на часы. Ещё рано.

В пятницу Вера Лебедева тоже собиралась увидеть свою дочь. Хотела забрать документы, лекарства и, вероятно, какие-то детские вещи. Он заметил эту связь и рассердился на себя. Сопоставлять чужую смерть со своими привычками было слишком удобно. За таким сравнением легко спрятать всё, чего он о Вере не знал.

Телефон завибрировал. Незвестный номер.

«Вы получили моё сообщение. Не удаляйте его».

Поляков не ответил. Вместо этого сфотографировал

экран другим телефоном, который давно лежал без сим-карты, затем включил запись экрана и открыл цепочку сообщений целиком. Передать телефон следствию можно было в любой момент. Вопрос состоял в другом: что произойдёт, если отправитель узнает, что они уже смотрят на него?

Через минуту пришло третье сообщение.

«Зотов не ваш человек».

Поляков перечитал эти четыре слова. Их можно было понять как угрозу, предупреждение или примитивную попытку поссорить его с начальником. Но отправитель называл фамилию, о которой Белова просила никому не рассказывать.

Он набрал следователю.

— Вы сказали не искать отправителя самому. Не ищу. Но он продолжает писать.

Белова выслушала текст.

— Вы сохранили всё с первого сообщения?

— Да.

— Передайте телефон для осмотра. Договоримся сегодня. И, Андрей Сергеевич, не проверяйте Зотова собственными силами.

— Вы очень уверены, что я собираюсь это делать.

— Вы девятнадцать лет работали в полиции. Я уверена, что вам трудно сидеть дома.

Он хотел возразить. Не смог.

— Он знает о документе, который вы показали мне вчера.

— Не обязательно. В вашем отделе обсуждают, что вас вы-

вели из проверки. Зотов — начальник отдела. Человек мог сложить два слова и отправить третье.

— Вы думаете, мне пишут из отдела?

— Я думаю, что мы не должны выбирать отправителя только потому, что нам нравится версия. Сумеете приехать через час?

Он согласился.

* * *

На столе Беловой лежали листы, которые он раньше не видел. Она не скрывала их намеренно: просто убрала подальше, прежде чем пригласить его сесть. Чистяков из собственной безопасности был у окна, говорил по телефону и делал пометки на полях маленького блокнота.

— У нас два вопроса, — сказала Белова. — Ваши сообщения и ваши действия после того, как вы покинули отдел в пятницу. Начнём со второго.

— Я поехал домой. По дороге остановился на заправке. Потом был в квартире.

— Кому звонили?

— Дочери. Не дозвонился. И бывшей жене, спросил, всё ли нормально.

— Почему именно в тот вечер?

Поляков посмотрел на неё. Вопрос был неприятен не потому, что в нём скрывалось подозрение. Он показывал то, что хотелось скрыть от самого себя.

— После Лебедевой. Понимал, что звоню не по делу. Но

набрал.

Белова записала ответ.

— Ещё кому-нибудь рассказывали о дополнительном объяснении?

— Нет.

— Начальнику после беседы звонили?

— Нет.

— Сурковой?

— Мы говорили в коридоре, когда она догнала меня. О содержании документа она тогда не спрашивала.

— Вы уверены?

— Помню достаточно хорошо.

Белова положила ручку.

— Из закрытого контейнера для уничтожения изъяли лист, о котором сказала Суркова. Первоначальную вторую страницу объяснения Веры. Там ещё прежняя формулировка «семейный конфликт». Документ с учётным номером, отпечатанным вашим принтером. На нём нет подписи заявительницы — страницу заменили до подписания.

— Это хорошо?

— Это факт. Он подтверждает последовательность подготовки первоначального объяснения. И даст возможность сравнить бумагу и способ печати с дополнительным листом, если появится оригинал.

— Если появится.

— Да. Пока у нас только копия. Самый важный предмет,

который кто-то якобы принимал в руки, отсутствует.

Чистяков завершил разговор и повернулся.

— Мы установили, кто утром в пятницу выдал материал из хранилища. Дежурный исполнитель. Получил под расписку, чтобы приобщить поступившую справку по заявлению Лебедевой. По его словам, дополнительного объяснения там не было.

— А когда вернул?

— В тринадцать сорок. Материал оставил на общем столе для передачи в канцелярию.

— Кто мог подойти?

— Это и выясняем.

— Камера?

— Покрывает вход и часть коридора. Не рабочую поверхность стола. Нам придётся установить перемещения каждого человека и проверить не только их слова.

Поляков представил знакомый стол. Ламинат с отслоившимся углом. Степлер, который приходилось ударять дважды. Пластиковая коробка для незавершённых материалов. Всё настолько будничное, что любая серьёзная операция там казалась невозможной. И всё же он сам сотни раз оставлял на том столе бумаги, за которые отвечал.

— Когда вы обнаружили копию? — спросил он.

— В семнадцать тридцать семь, — ответила Белова.
— Канцелярия передала нам материал после сообщения о смерти. Сотрудница, проверявшая состав, заметила допол-

нительное объяснение и сообщила руководству. То есть мы пока можем подтвердить лишь, что лист находился в папке к этому времени. Когда именно его подложили, неизвестно.

Поляков попытался восстановить часы. Вера, судя по видеозаписи, находилась у Павелецкого вокзала в одиннадцать двенадцать. Подложное объяснение было датировано одиннадцатью четырнадцатью. В тринадцать сорок материал лежал на общем столе. В четырнадцать пятьдесят две поступило сообщение о смерти.

У этих событий были разные свидетели. И только один лист утверждал, будто женщина пришла в отдел сама.

— Я хочу взглянуть на копию ещё раз, — сказал он.

Белова покачала головой.

— Вы уже дали объяснение. Не будем создавать ситуацию, в которой вы запоминаете изображение вместо того, что видели раньше.

— А если вспомню что-то важное?

— Расскажите. Без подсказки.

Это было разумно. Поэтому особенно злило.

* * *

Поляков передал телефон для осмотра. После фиксации переписки аппарат ему вернули, а он попросил разрешения записать на бумаге номер дочери. Чистяков протянул ему ручку. За стеклом кабинета прошёл молодой сотрудник с пакетом готовых обедов и остановился у двери, не решаясь постучать. Белова подняла ладонь: позже.

— Можно спросить об Олеге Лебедеве? — произнёс Поляков.

— Спросить можно, — ответила Белова. — Но детали его показаний я вам не сообщу.

— Он задержан?

— Его местонахождение установлено. С ним работают. Для вас это пока всё.

Поляков наклонил голову. Привычка получать ответы посредством должности исчезла быстрее, чем он предполагал. Остался человек, который знал погибшую женщину меньше часа и теперь цеплялся за каждый обрывок сведений о ней.

— А дочь? — спросил он.

Белова впервые за разговор чуть смягчилась.

— У бабушки. Её безопасности уделяют внимание. Больше я не скажу.

Он кивнул и поднялся.

У самой двери Белова остановила его:

— Андрей Сергеевич. Есть вещь, которую я пока могу сказать официально. Ваше объяснение о встрече в пятницу подтверждается. Вы находились на Ленинградском шоссе в тот период, который указан в сомнительном документе. Это не решает вопрос о происхождении подписи, но исключает очное получение вами объяснения от Лебедевой в одиннадцать четырнадцать.

— То есть я больше не подозреваемый?

— Вам никто не присваивал такой статус. И не обещал,

что все вопросы закончились.

— Понял.

В коридоре пахло разогретой гречкой из пластикового контейнера. На лестничной клетке кто-то спорил по телефону о цене ремонта. Поляков постоял перед окном, глядя, как по мокрой дороге идут люди с продуктовыми пакетами.

У него не было доступа к делу и не было возможности заставить вчерашний вечер случиться иначе.

Оставалась серая перчатка.

Впервые он задумался о второй перчатке. Она могла остаться там, где Вера провела последние часы.

Глава 6. Чужой муж

В понедельник Олега Лебедева не привезли в отдел в наручниках. Он пришёл сам, хотя Белова дважды предупредила его адвоката, что место и время явки должны быть согласованы.

Олег стоял в коридоре с бумажным стаканчиком кофе. Широкоплечий, с красными глазами и следом неудачного бритья на шее. Возле двери в кабинет он обернулся к мужчине в сером пальто.

— Я всё расскажу, — сказал Олег. — Только не делайте вид, будто она ничего мне не говорила.

Мужчина оказался его адвокатом. Он попросил разговаривать без свидетелей в коридоре, и Белова пригласила обоих внутрь.

В протоколе объяснения Олег назвал пятницу так подробно, будто заранее тренировался.

С девяти утра он был в сервисе на Хорошёвском шоссе. В одиннадцать выдал автомобиль клиенту. В двенадцать сорок встретился с поставщиком деталей. После двух ездил на склад за коробками фильтров. В пятнадцать десять вернулся на работу. Потом услышал звонок от родственницы Веры.

Часть перемещений подтвердили сотрудники сервиса. Поездку на склад пока не подтверждал никто, кроме диспетчера, который принял заказ на детали. Олег утверждал, что

ехал один и по дороге не останавливался. Следствие запросило сведения у владельца склада и записи камер на соседних зданиях. Слова механика и телефонный журнал нельзя было превращать в готовое алиби.

Когда Белова спросила, почему он угрожал жене, Олег сперва ответил, что его не так поняли.

— В записи ваш голос, — сказала она.

— Мой.

— Слова тоже ваши?

— Мои. Я был злой. Она не давала видеть дочь.

— Вы говорили: «Ты не успеешь никого позвать». Что имели в виду?

Олег посмотрел на адвоката. Тот не стал отвечать за него.

— Я хотел напугать, — произнёс Олег. — Я не собирался её убивать.

— Для чего было пугать?

— Чтобы она вышла разговаривать.

— Вы понимали, что она воспринимает ваши слова как угрозу жизни?

Мужчина сжал край бумажного стаканчика. Крышка отошла, кофе попал на пальцы. Он не заметил.

— Теперь понимаю.

Это «теперь» Белова записала дословно.

Она спросила о нападении в сентябре. Олег снова посмотрел на адвоката и подтвердил, что хватал жену за руку, но отрицал попытку удушения. Адвокат заявил, что его дове-

ритель готов пройти необходимые проверки. Белова ответила, что необходимые действия определяет следствие.

— С кем вы играли в футбол? — спросила она позднее.

— Со знакомыми. Давно уже не играю.

— Сергей Кондратьев вам знаком?

Олег перестал мять стаканчик.

— Знаком.

— Кто он для вас?

— Друг, наверное. Раньше вместе гоняли мяч. Что он вам сделал?

— Сейчас вопросы задаю я. Когда виделись в последний раз?

— На прошлой неделе.

— Где?

— В кафе. Возле метро.

— О чём говорили?

— О работе. Он занимается безопасностью, я машинами.

Хотел узнать, не нужен ли ему автосервис.

— Вера знала о встрече?

Олег промолчал.

— Она боялась, что Кондратьев вмешивается в ваш конфликт?

— Я не знаю, чего она боялась, — сказал он наконец. — Последние месяцы она боялась всех подряд.

Белова не спросила, почему он произнёс это с таким раздражением. Ей важно было другое.

— Кондратьев когда-либо обещал помочь вам с обращением жены в полицию?

— Нет.

— Угрожал ей?

— Не при мне.

Последнюю оговорку Белова подчёркнула.

* * *

Вечером Белова вызвала Полякова уточнить ещё два обстоятельства встречи с Верой. Сначала задала вопросы, ради которых приглашала, и лишь потом показала одну фотографию. На ней была футбольная команда у небольшого крытого манежа: двенадцать мужчин в одинаковых чёрно-зелёных футболках.

— Такое изображение Вера вам показывала? — спросила следователь.

— Нет. Она сказала, что, возможно, найдёт.

— Кто-нибудь знаком?

Поляков взял фотографию за края. Посередине стоял мужчина с густыми бровями, которого он узнал сразу. Рядом — Олег Лебедев, только моложе и с улыбкой, плохо сочетавшейся с тем, что теперь о нём было известно.

— Вот этот, — сказал Поляков и указал на мужчину в центре. — Сергей Кондратьев. Раньше работал у нас. Ушёл примерно четыре года назад.

— Куда?

— Насколько помню, в частную безопасность. Точно не

знаю.

— С кем из отдела поддерживал отношения?

— Со многими. Он устраивал матчи по пятницам. Приходили и действующие, и бывшие сотрудники.

— Полковник Зотов играл?

— Нет. По крайней мере, я его никогда не видел на поле. Белова не стала объяснять, откуда получила фотографию. Поляков тоже не спросил. Он посмотрел на другие лица. Двух узнал как водителей из соседнего подразделения, одного — как механика из того же манежа. Остальные были незнакомыми.

— Кондратьев был близко знаком с Олегом? — спросила Белова.

— Судя по снимку, да. Но я про них вместе ничего не знаю.

— Хорошо. Ещё один вопрос. Когда Вера говорила, что супруг знает сотрудника полиции, вы предложили ей назвать фамилию. Почему не уточнили про саму команду подробнее?

Поляков посмотрел на стол.

— Потому что она не могла назвать человека. Потому что речь шла об угрозах убийством, а не о любительском футболе. Я решил вернуться к этому после того, как получу фотографию.

— Понятно.

Ему хотелось, чтобы следователь сказала: правильное ре-

шение. Или: ошибочное. Но Белова оставила ответ там, где он был, — среди обстоятельств, не имевших одной очевидной оценки.

* * *

Когда Поляков вернулся домой после беседы, его ждала дочь. Вернее, ждало сообщение: «Пап, ты жив? Ты вчера не ответил». Он позвонил сразу. Она сказала, что всё нормально, что у них снова перестал работать лифт и что на следующей неделе в школе будет родительское собрание. Он слушал с неожиданной благодарностью.

— Ты на работе? — спросила она.

— Пока нет.

— Заболел?

— Нет. Разбираются с одной историей.

— Служебной?

— Да.

Дочь помолчала.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь объяснять.

Поляков улыбнулся. Ей исполнилось семнадцать, и она уже умела отличать его осторожность от попытки уйти от разговора.

— Сейчас действительно не могу. Но я не пропал. Обещаю звонить.

После разговора он сел за стол и достал старый блокнот. На первой странице нашёл запись о футбольном турнире четырёхлетней давности. Кондратьев организовывал его для

сотрудников нескольких районных отделов. Поляков тогда хотел приехать, но дежурство затянулось.

Он вспомнил Кондратьева не как потенциального сообщника убийцы, а как человека, который всегда брался улаживать небольшие неприятности: найти мастера для машины, договориться с охраной торгового центра, передать человеку нужный телефон. Услуги были мелкими, и потому никто не думал о том, чем они оплачиваются.

Кондратьев не мог самостоятельно попасть в служебную папку в пятницу. Во всяком случае, без помощи человека, который находился внутри отдела.

Поляков закрыл блокнот. Передать эту мысль Беловой он мог. Доказывать её самому — нет.

Он написал следователю короткое сообщение о старом турнире и положил телефон экраном вниз.

В комнате стало тихо. За стеной кто-то передвигал мебель. Пахло остывшим кофе.

Андрей вдруг вспомнил, как Вера просила не называть имя дочери. В первом объяснении её имя так и не появилось. Зато в дополнительном, которое он якобы получил от женщины, были указаны все паспортные данные Веры.

Он поднял телефон снова.

«Проверьте, откуда в новом объяснении взяли полный адрес регистрации. Вера могла назвать его дежурному при подаче заявления, но в моём объяснении мы его не повторяли. И ещё: по какой причине там вообще появляется ссылка на

дочь?»

Он нажал «отправить». Почти сразу пришёл ответ Беловой.

«Вопросы приняты. Больше не восстанавливайте документ по памяти. Я сообщу, если понадобится дополнительное объяснение».

Поляков хотел разозлиться. Вместо этого положил блокнот в ящик.

Профессиональная дисциплина впервые в жизни означала для него не действие, а отказ действовать.

Глава 7. Что осталось у Светланы

Светлана Грачёва пришла к Беловой с двумя пакетами. В одном лежали вещи, которые Вера передала ей утром в пятницу. Во втором — хлеб, творог и упаковка таблеток для матери.

— Простите, — сказала она, ставя покупки на пол. — Я после допроса к ней поеду. Ей сейчас некому.

Белова предложила воду и попросила не торопиться. Грачёвой было тридцать восемь, она работала бухгалтером в небольшой типографии. Вера знала её с института. Их дружба не выглядела тесной в обычном смысле: они могли не разговаривать месяцами, но всегда знали, кому звонить, если случится что-то по-настоящему важное.

— Она не должна была возвращаться туда одна, — сказала Светлана.

— Вы знали, что поедет?

— Знала. Просила её не ехать. Она сказала, что у матери остались лекарства, а больше никто не знает, где они лежат.

— Какие лекарства?

— Не помню названия. От давления, кажется. Это можно у матери спросить. Только не сегодня. Она почти не спала.

Белова не стала просить Светлану вспомнить то, чего та не помнила. Попросила рассказать о встрече у вокзала.

Они увиделись в одиннадцать без нескольких минут. Ве-

ра была в белом шарфе, который Светлана подарила ей прошлой зимой. Держала бумажный пакет с копиями документов и пару детских перчаток с лисой — хотела передать дочери, если не успеет увидеться. Разговаривали возле киоска, потому что внутри было шумно.

— Она выглядела испуганной?

— Злой. Испугалась уже потом. Сначала сказала, что кто-то пытается сделать из неё ненормальную.

— Кто именно?

— Не назвала. Сказала: «Если я приду ещё раз, они напишут, что я сама всё придумала». Я спросила, кто «они». Она ответила: «Все, кому так удобнее».

— Вы знали, что накануне встречи она была в полиции?

— Да. Она позвонила мне сразу после. Я сказала, что нужно ехать к матери и не возвращаться домой.

— Почему вы не вызвали её к себе?

Светлана опустила глаза.

— У меня дома муж после операции. Он почти не ходит, я за ним ухаживаю. Вера знала. У матери ей действительно было спокойнее.

Белова ждала, пока женщина подберёт следующие слова.

— В пятницу утром она получила сообщение, — продолжила Светлана. — Не знаю от кого. Прочитала и сказала, что её уже сделали виноватой. Она показала мне экран. Там было что-то про новое объяснение и семейную ссору. Точные слова я не помню.

— Вы можете назвать время?

— Мы стояли возле киоска. Наверное, одиннадцать. Она после этого и отправила мне своё сообщение.

Белова положила рядом распечатку, полученную из телефона Светланы. «Не верь, если скажут, что я передумала. Я ничего не забирала».

— Почему Вера написала это вам, если только что сказала лично?

— Потому что я попросила. — Светлана впервые повысила голос. — Сказала ей: напиши. Если потом кто-нибудь спросит, я должна буду показать не свою память, а твои слова. Она посмеялась, что я слишком долго работаю с накладными. И написала.

Следователь отметила эту деталь. Она объясняла происхождение сообщения без загадочного предвидения. Вера знала или подозревала, что её слова подделают, потому что ей уже кто-то об этом сообщил.

— Почему вы передали нам пакет только в субботу? — спросила Белова.

Светлана сжала ручки сумки.

— Я не знала, что она погибла. В субботу утром увидела новость в районном чате. Сначала подумала, что ошибка. Потом позвонила её матери. И только после этого вспомнила пакет. Там же было написано: передать, если что-то случится. Я испугалась, что у меня теперь чужие доказательства. Поэтому пришла сама.

— Вы открывали пакет?

— Вера сказала, что можно посмотреть, если она попросит. Не попросила. Я только вынула сверху конверт, чтобы проверить, что это действительно для следствия. Потом упаковала обратно.

Белова попросила разрешения подробно описать положение вещей. Светлана согласилась.

* * *

Конверт оказался обычным канцелярским. На нём чёрной ручкой было написано: «Если со мной что-то случится, сначала проверьте даты». Внутри лежали копии счетов, актов приёмки и выписка из электронной переписки за восемь месяцев. Материалы касались фирмы «Медиалайн-Снаб», где Вера работала специалистом по закупкам.

На первый взгляд документы были скучными. Одни и те же названия перчаток, шприцев, перевязочных наборов. Номера партий. Даты отправки. Подписи ответственных лиц. Суммы не впечатляли — иногда несколько сотен тысяч, иногда значительно меньше.

Проблема обнаружилась на третьем листе.

По накладной коробки с одноразовыми халатами доставили в ведомственную клинику в четверг, пятого марта 2026 года. Однако акт приёмки был подписан третьего марта, во вторник. Приложение с маршрутным листом указывало, что автомобиль выехал со склада только четвёртого.

Такая путаница могла возникнуть из-за простой ошибки в

дате. Но рядом лежали ещё четыре комплекта с той же особенностью. Бумаги подтверждали получение товара до его фактической отгрузки.

Проверять это предстояло через оригиналы документов, бухгалтерский учёт и сведения перевозчиков. Сами по себе копии не доказывали хищения и тем более не объясняли смерть Веры. Белова попросила специалиста подготовить план проверки первичных данных и отдельно зафиксировала, что именно находилось в переданном пакете до вмешательства следствия.

Последним лежал лист без печати и подписи. Несколько строк, напечатанных на домашнем принтере:

«Не верить устным обещаниям. Отметки в бумагах меняют задним числом. Оригиналы искать у тех, кто возил груз. Я дважды проверяла накладные. Разница не в сумме. Разница в том, что подписывают заранее».

Ниже Вера перечислила три номера договоров и две даты. Белова прочитала записку ещё раз. Пока она не знала, почему женщина решила сохранить именно эти документы. Но их автор, по всей видимости, уже сталкивался с ситуацией, когда подписанная бумага появлялась раньше события, которое должна была подтверждать.

* * *

К вечеру Белова получила первый ответ по месту смерти Веры. Эксперт не называл минуту смерти; предварительные данные позволяли ориентировочно говорить о проме-

жутке между двумя и половиной третьего дня, с оговоркой о возможной погрешности. Следовательно пришлось вычеркнуть из черновой хронологии отметку «14:14», которую кто-то из сотрудников уже успел поставить как точную.

Три часа оставались приблизительным расстоянием между временем на дополнительном объяснении и предполагаемой смертью. Но заголовок, появившийся в заметках местной прессы, звучал куда определённое: «Женщина отказалась от жалобы за три часа до убийства».

Белова показала публикацию Чистякову.

— Кто рассказал журналисту про объяснение?

Тот перечитал текст.

— Неизвестно. Мог услышать от сотрудника. Мог увидеть бумагу. Мог получить пересказ от кого-нибудь из родственников.

— Здесь указано время одиннадцать четырнадцать.

Чистяков посмотрел внимательнее.

— Значит, это не просто пересказ. Такую минуту из воздуха не возьмёшь.

Белова открыла публикацию целиком. Ниже стояла фотография входа в отдел, снятая днём. Кто-то из прохожих попал в кадр с пакетом продуктов. Изображение было случайным, не имеющим отношения к Вере, но уже собирало десятки комментариев о том, «как всегда ничего не сделали».

— Нам нужно понять, кто распространил документ, — сказала Белова. — И зачем его вынесли наружу именно сей-

час.

Чистяков кивнул.

— Кстати, насчёт Кондратьева. В открытых сведениях он действительно числится сотрудником частной охранной организации. Только организация обслуживает не клиники, а офисные здания.

— Это не исключает знакомство с поставщиками.

— Не исключает.

Он показал ей служебную записку. В списке арендаторов одного из охраняемых объектов за прошлый год значилась «Медиалайн-Снаб».

Белова не улыбнулась. Связь могла оказаться обычной: сотни компаний снимают офисы там, где работает охрана. Но впервые две ветки дела — муж и документы с работы — пересекались на одном проверяемом адресе.

Она попросила Чистякова не сообщать о находке Полякову до оформления соответствующих материалов.

— Он и так слишком близко подошёл к этому делу, — сказала она.

— Не по своей воле.

— Не по своей. Но это не делает его беспристрастным.

За окном снова начался дождь. Белова выключила настольную лампу, оставив гореть верхний свет, и записала в конце страницы два вопроса.

Кто предупредил Веру о дополнительном объяснении?

И почему человек, который хотел скрыть убийство, поз-

волил ей узнать о подделке ещё до смерти?

Глава 8. Вторая папка

Адвокат Екатерина Рогова пришла к Беловой без предупреждения во вторник, семнадцатого ноября. Сказала дежурному, что хочет передать сведения о возможной подделке официального документа. Дежурный предложил написать обращение. Она согласилась, но попросила указать, кому именно его передадут.

Белова приняла её после обеда.

На вид Роговой было около сорока пяти. Серое пальто, короткие тёмные волосы, простая кожаная папка с поломанным замком. В кабинете она сразу достала удостоверение адвоката и пояснила, что пришла не как представитель по делу Лебедевой.

— Я прочитала публикацию о смерти женщины, — сказала она. — Там утверждается, что она сама изменила показания незадолго до гибели.

— Публикация содержит сведения, которые следствие не подтверждало.

— Я понимаю. Поэтому и пришла. Мне знаком текст, который журналист цитирует.

Белова положила перед собой чистый лист.

— В каком смысле знаком?

— Не по смыслу. Почти дословно.

Она открыла папку и вынула копию старого процессуаль-

ного решения вместе с приложенным объяснением заявительницы. На верхнем листе была дата: декабрь 2022 года.

— Это материалы моей прежней доверительницы, — сказала Рогова. — Копии предоставлены мне для защиты её интересов. Я не могу оставить вам всё без оформления и разрешения клиента. Но готова сообщить о совпадающих формулировках, а затем решить вопрос о передаче документов в установленном порядке.

Белова не стала тянуть папку к себе.

— Что за случай?

— Женщина заявила об угрозах со стороны бывшего партнёра. Через несколько дней обратилась ко мне, потому что получила ответ об отсутствии оснований для дальнейшего движения материала. В бумагах неожиданно обнаружилось её дополнительное объяснение, где она говорила, что угроз не было и обращение написала под влиянием эмоций.

— Вы считаете объяснение поддельным?

— Она утверждала, что не подписывала его. С этим мы и обращались. Тогда экспертизу не проводили: оригинал не нашли. Женщина была жива. Уехала в другой город, потом попросила больше её не беспокоить. Дело закончилось ничем.

— Вы можете подтвердить её слова документально?

— У меня сохранилась копия её заявления о несогласии с объяснением. И отправленные нами жалобы с регистрационными отметками.

Рогова перевернула страницу так, чтобы Белова прочитала середину текста.

«Ранее изложенные мной обстоятельства имели место на почве семейной ссоры и были восприняты мною эмоционально».

Белова не взяла лист в руки. Формулировка совпадала с первой строкой документа от имени Веры. Та же конструкция. То же нелепое соединение официального «имели место» с субъективным «эмоционально».

— Это мог быть распространённый шаблон, — сказала Белова.

— Именно. Так я и подумала четыре года назад. Но есть продолжение.

Рогова показала следующую страницу.

«Непосредственных угроз убийством в мой адрес не поступало, за свою жизнь и здоровье не опасаясь, к указанному лицу претензий не имею».

Белова осторожно записала фразу, не переписывая личные сведения прежней заявительницы.

— Вы сами составляли её объяснение?

— Нет. Поэтому и не смогла объяснить доверительнице, откуда там эти слова. В наших документах она говорила по-другому. Её обычный язык был проще.

— Дело рассматривал тот же отдел?

— Другой район. Соседний. И сотрудник, фамилия которого стоит под объяснением, к этому времени уже перевёлся.

Белова закрыла блокнот.

Если приём был одинаковым, это ещё не доказывало общую группу. Бланки и привычные формулы кочевали между отделами годами. Но совпадение расширяло проверку из одного места в другое. Адвокат принесла не слух, а копии документов с датами и регистрационными номерами, которые можно было запросить официально.

— Почему вы не сделали это достоянием прессы тогда?
— спросила Белова.

Рогова посмотрела на неё без обиды.

— Потому что моя клиентка хотела жить, а не стать примером того, как система ошибается. Когда она переехала, моя задача заключалась не в том, чтобы продолжать дело вопреки её воле.

— Почему пришли теперь?

— Потому что та женщина осталась жива. Эта — нет. И потому что в статье я увидела одно число.

— Какое?

— Время. Одиннадцать четырнадцать. В нашем объяснении тоже стояло точное время. Одиннадцать четырнадцать. Я его помню: мы трижды спрашивали, где была доверительница в эту минуту, а нам отвечали, что подпись всё подтверждает.

Белова медленно положила ручку.

Одинаковые слова могли быть шаблоном. Одинаковое время — случайностью. Но две совпадающие детали уже

требовали проверки отдельно друг от друга.

* * *

Поляков в это время находился в районном многофункциональном центре. Он пришёл восстановить обычную справку, которая потребовалась дочери для оформления документов. Перед электронным табло стояло семь человек, и каждый смотрел на номер очереди так, словно от него зависела судьба.

Телефон зазвонил, когда он подошёл к окошку.

— Андрей Сергеевич, — сказала Белова, — вы свободны сегодня вечером?

— Свободен.

— Приезжайте к шести. Нужно уточнить одно обстоятельство. И ещё: вам могут позвонить журналисты. Не давайте комментариев по делу.

— Уже звонили. Два раза.

— Что сказали?

— Что я «последним видел Веру живой». Я попросил обращаться к следователю. На самом деле после меня её видели многие.

— Верно. Сохраните номера.

Он посмотрел на табло. Номер сменился, но женщине впереди него показалось, что пропустили её талон, и она начала спорить с оператором. Поляков вдруг подумал о бумагах: каждая справка имела свой порядок появления, свою дату и чужую подпись. Больше всего его пугала не возможность

подделать одну из них. Его пугало, что после этого остальные документы продолжали вести себя так, словно ничего не произошло.

* * *

К шести в кабинете Беловой остались только она и Чистяков. На столе лежали три фотографии, не относящиеся к смерти Веры напрямую: вход в старое здание, лестничная клетка с потрескавшейся краской и закрытая дверь с табличкой «Архив».

— Вы знаете это место? — спросила Белова.

Поляков рассмотрел фотографии.

— Бывшее помещение межрайонной дежурной части. Сейчас его используют как склад или архив. Я там был лет десять назад.

— Кто ведёт учёт хранящихся материалов?

— Не знаю. После реорганизации его передавали из подразделения в подразделение.

— Вы когда-нибудь получали оттуда бланки или образцы объяснений?

— Нет. У нас свои формы.

Чистяков повернул к нему следующий лист. На нём была копия журнала выдачи документов за 2022 год. В строке с датой стояла фамилия сотрудника, которого Поляков узнал после второго прочтения.

— Кондратьев, — сказал он.

— Это ещё не означает, что он выносил документы неза-

конно, — предупредила Белова. — В тот год он формально числился сотрудником и мог получать служебные материалы. Нам нужно установить, какие именно.

— Почему вы показываете мне журнал?

— Потому что ваша подпись могла быть скопирована не с того листа, который мы сейчас ищем. Не с объяснения Веры. И даже не из её материала. Вы могли подписывать документы в этом архиве раньше?

— Разумеется. Я вёл проверки, передавал материалы, получал ответы.

— Подписывали пустые бланки?

— Нет.

— Тогда уточню: подписывали обычные сопроводительные листы, акты приёма-передачи, журналы?

— Да. Сотни раз.

Белова пододвинула к нему увеличенное изображение нижнего края подложного объяснения. Это была та часть копии, которую она прежде не разрешала ему рассматривать, пока он не дал первичное объяснение.

— Здесь есть едва заметная полоса рядом с вашей подписью. Специалист предполагает, что её могли перенести вместе с изображением подписи из другого скана. Но по копии нельзя утверждать уверенно. Сейчас мы устанавливаем возможный источник.

Поляков долго смотрел на серую линию.

— Я не помню такого листа.

— И не обязаны помнить. У вас была служба длиной в девятнадцать лет.

— Значит, кто-то мог хранить мою подпись годами.

— Мог. А мог получить её вчера. Мы пока не знаем.

Чистяков перелистнул журнал.

— Есть ещё одна фамилия, — сказал он. — Вы должны её узнать.

На следующей странице, под датой выдачи старой папки, стояла подпись майора Полякова.

Только в тот день он находился в больнице с отцом и на службе отсутствовал.

Он вспомнил это сразу, без документов. День был за два дня до Нового года, отец после операции не мог самостоятельно встать, а Поляков всю ночь сидел на стуле возле кровати. Утром он писал рапорт о необходимости отгула и передавал его через коллегу.

— Я не мог расписаться здесь, — произнёс он.

— Именно это мы и хотели спросить, — сказала Белова.

Он посмотрел на дату ещё раз.

До смерти Веры Лебедевой оставалось почти четыре года.

А кто-то уже тогда подписывал бумаги его именем.

Глава 9. Подпись в журнале

В среду, восемнадцатого ноября, Чистяков приехал в архив раньше сотрудника, у которого были ключи.

Здание стояло во дворе бывшего районного управления. На первом этаже ещё работала организация, занимавшаяся ремонтом вентиляции; на втором хранились документы сразу нескольких подразделений. Чистяков нашёл в кармане пропуск, посмотрел на запертую лестницу и вышел обратно на улицу. Воспользоваться тем, что когда-то здесь всех знал, было бы проще. Но он приехал не за знакомством.

В восемь сорок открылась калитка. Из неё вышла женщина в коричневой куртке, остановилась у автомобиля и долго искала в сумке ключи.

— Галина Степановна?

— А вы кто?

— Чистяков. Вчера созванивались. Вы обещали показать порядок выдачи старых материалов.

— Я обещала объяснить порядок, — поправила она. — Показывать будете после того, как ваши бумаги подпишут.

Она оказалась не архивариусом, а заведующей хозяйственной частью. Архивные журналы вела другая сотрудница, уволившаяся два года назад. Женщина с ключами могла лишь открыть помещение и присутствовать при осмотре. Чистяков поблагодарил её за уточнение, хотя услышал его

уже во второй раз.

В девять двадцать приехала Белова с двумя сотрудниками. Документы на проведение процессуальных действий она предъявила до того, как кто-либо подошёл к стеллажам. На стол поставили камеру, отдельно сняли замок и опись коробов.

Журнал нашли в нижнем шкафу, где хранились книги за 2020–2023 годы. Он лежал под накладными на вывоз макулатуры. Тёмно-зелёная обложка, прошнурованные страницы, печать на последнем листе. У самой середины корешок расходился, и Белова попросила не разворачивать книгу полностью.

Тридцатое декабря 2022 года.

Под датой стояла запись о выдаче дела из соседнего района. В графе «получил» значилось: «Поляков А. С.». Рядом — подпись.

Чистяков не стал сравнивать её со своей памятью. Положил рядом заверенную копию, по которой они уже задавали вопросы Полякову. Содержание совпадало, но на бумаге обнаружилась деталь, потерянная при сканировании: под подписью проступала тонкая линия, будто ручка зацепила шероховатое место листа и человек попытался поправить штрих.

— Ничего не подсказываем, — сказала Белова специалисту, который готовил упаковку. — Фиксируем состояние. Вопрос о происхождении подписи — отдельно.

Галина Степановна стояла у двери, держа в руках связку

ключей.

— Здесь раньше с утра до вечера ходили, — сказала она.
— Я бы никого по фамилии не вспомнила.

— И не нужно, — ответила Белова. — Кто вёл этот журнал?

— Тамара Юрьевна Лукина. До осени двадцать четвёртого. Потом вышла на пенсию. Писала аккуратно, всех заставляла расписываться.

— Бывали случаи, когда документы забирали по чужой доверенности?

— Человек должен был предъявить удостоверение. Но что здесь было четыре года назад, я вам по памяти не удостоверю.

Чистяков посмотрел на страницу. Над подписью Полякова стоял шифр папки: «ПР-214/22». В соседней графе — отметка «возвращено», сделанная, судя по оттенку чернил, другой ручкой.

— А сама папка?

Галина Степановна раскрыла опись.

— По учёту передана в основной архив. Без приложения номер семь.

— Что было в приложении?

— Если бы было написано, я бы сказала.

Белова попросила сфотографировать и эту строку. Пропавшее приложение могло оказаться обыкновенной копией повестки. Но отмечать его как несущественное до проверки

было бы ошибкой.

* * *

В больнице на севере Москвы Полякову выдали выписку из журнала посещений только после письменного обращения, которое ему помог составить адвокат. Врачи не собирались обсуждать здоровье его отца с посторонними, даже если речь шла о событиях четырёхлетней давности. Поляков это понимал и не торопил.

Сидеть в коридоре было тяжелее, чем ждать в следственном подразделении. Те же серые стены, металлические стулья и запах антисептика, только здесь от него никто ничего не требовал.

В декабре 2022 года отец лежал после операции. Поляков помнил ночь не из-за даты, а из-за стакана воды. Отец тогда попросил принести воду, но не смог удержать стакан и расплескал половину на одеяло. Андрей рассердился — на себя, на больницу, на то, что беспомощность человека может выглядеть так обыденно. Потом они почти час молчали.

Медсестра принесла распечатку.

— Это всё, что можем подтвердить по журналу. Отмечены ваши вход и выход, но не каждое перемещение по отделению.

Поляков увидел дату: 30.12.2022. Вход в 08:17, выход в 13:06. По архивному журналу он якобы получил папку в 10:40.

— Спасибо.

— Вам ещё что-нибудь?

— Нет.

Он вышел на улицу и позвонил Беловой. Не чтобы похвастаться найденным доказательством. Просто назвал учреждение, время и номер выданной справки.

— Отправьте адвокату копию, — сказала она. — Согласуем официальный запрос. Вы можете подтвердить пребывание в здании больницы. Но это ещё не отвечает на вопрос, кто поставил подпись в архиве.

— Я понимаю.

— И ещё, Андрей Сергеевич. Не разговаривайте с бывшей сотрудницей архива. Мы сами с ней свяжемся.

Поляков посмотрел на телефон. Он действительно соби-
рался спросить у старых знакомых адрес женщины, которая
вела журнал.

— Не буду.

Он произнёс это без обиды. Впервые за несколько дней
ему не пришлось доказывать собственную правоту словами.
Две отметки в разных журналах противоречили друг другу,
и одна из них имела независимую проверку.

* * *

Лукина жила в квартире на шестом этаже панельного до-
ма. На звонок ответила не сразу. Когда открыла, сначала по-
смотрела на удостоверения, затем на конверт, который Бе-
лова держала в руках.

— Я ничего из архива не забирала, — сказала она ещё до
вопроса.

— Мы не утверждаем, что забирали. Хотим узнать, как работал журнал выдачи.

— У меня сердце. Долго не могу.

Белова предложила назначить разговор на другой день или провести его в удобном для женщины месте. Лукина подумала и впустила их на кухню.

Ей было семьдесят. На холодильнике стояли магниты из городов, в которых, по её словам, она никогда не бывала. В комнате работал телевизор с выключенным звуком.

— Вы записывали время выдачи сами? — спросила Белова.

— Обычно да. Если человек приносил папку, я отмечала возврат. А расписывался он сам.

— А если вас не было?

— Бывала сменщица. Всё зависело от графика.

— В конце декабря 2022 года сменщица была?

Лукина долго смотрела на фотографию страницы, которую ей показали без других документов.

— Это моя цифра два, — сказала она. — В номере папки. А вот время написано не мной.

Белова наклонилась ближе.

— Почему вы так считаете?

— Я никогда не ставила ноль перед часом. У нас двадцатичетырёхчасовой формат был, но я писала просто десять сорок. А здесь «010:40» сначала написали, потом первый ноль зачеркнули. Видите?

На снимке это действительно походило на исправление. Сама Лукина могла ошибаться в привычках; проверка требовала сравнения с другими страницами. Белова не стала превращать её слова в готовое заключение.

— Помните, кто дежурил тридцатого декабря?

— Последний рабочий день. У нас шкаф переносили из соседнего кабинета. Я до обеда занималась описью. Сменщица была Нина Савельева. Она на полставки приходила.

— Где она сейчас?

— Не знаю. Молодая была. Потом уволилась. А вы про Кондратьева хотите спросить?

Белова остановила ручку.

— Почему вы назвали его?

— Потому что его тогда всякий раз спрашивали, почему он получает материалы не своего района. Я говорила: пусть начальство решает. Мне приказ приносили — я выдавала.

— Какой приказ?

— Не приказ в смысле приказа. Бумажку с разрешением. Подпись начальника, номер обращения. Может, она и лежит в той папке.

— В какой?

— Которую вы ищете. ПР, — она прищурилась, — двести четырнадцать. По таким номерам я людей не помню, а тот помню, потому что два раза возвращали из-за отсутствующей описи.

Белова отложила фотографию.

— Вы готовы сообщить это под протокол?

— Готова. Только не пишите, что я утверждала, будто Кондратьев её украл. Я такого не видела.

На лестнице Белова остановилась у окна.

Дело с номером ПР-214/22 перестало быть только записью в журнале. Теперь предстояло найти разрешение на выдачу и установить, почему одна и та же папка проходила через архив несколько раз.

А Поляков, которого в больничном журнале отметили в восемь семнадцать, к этим посещениям мог вообще не иметь отношения.

Глава 10. Обратный маршрут

Вера Лебедева ехала домой не прямо от Павелецкого вокзала. Этот факт Белова установила только к четвергу.

До этого у следствия была удобная линия: встреча с подругой, поездка через центр, возвращение за вещами и лекарствами, смерть возле своей квартиры. Между первым и последним пунктами оставалось больше двух часов, и почти каждый, кто смотрел материалы, незаметно заполнял их обычной дорогой.

Потом пришла детализация операций по банковской карте Веры, полученная с соблюдением необходимого порядка. В двенадцать ноль восемь она расплатилась в аптеке на улице, расположенной значительно дальше от дома, чем следовало бы для кратчайшего маршрута.

— Она говорила, что лекарства у неё дома, — заметил Чистяков.

— Говорила, — согласилась Белова. — Это не значит, что она не могла купить другие.

Они поехали в аптеку. Администратор сначала приняла их за проверяющих соблюдение правил торговли и начала рассказывать про температурный режим. Только после объяснений вспомнила покупательницу в белом шарфе.

— Она спрашивала детский термометр, — сказала администратор. — Потом взяла бинт и пластырь. Кажется, спе-

шила.

— Вы её узнали по фотографии или вспомнили до того, как её показали?

Женщина задумалась.

— По фотографии. У нас много покупателей.

Белова поблагодарила. Запись с камеры, сохранённая по запросу, позволяла установить покупку и время, но не то, почему Вера выбрала эту аптеку. На видео она стояла у кассы одна и несколько раз смотрела в сторону улицы.

На одном кадре в дверях отражался человек в бежевой куртке.

Чистяков приблизил изображение.

— Это может быть та женщина, о которой говорила соседка?

— Может. Но у нас даже лицо не видно. Не называйте её нашей женщиной только по цвету куртки.

Они проверили соседний магазин. Там камера смотрела на тротуар с другого угла. Вера вышла из аптеки и направилась к остановке, а человек в бежевой куртке остался стоять у витрины. Через минуту повернулся в другую сторону.

— Если следил, делал это довольно странно, — сказал Чистяков.

— А если не следил, мы зря потратили двадцать минут на чужого прохожего.

Белова закрыла ноутбук.

Но время покупки оставалось. Вера была жива в двена-

дцать ноль восемь. Подложный документ, согласно которому она в одиннадцать четырнадцать находилась на Соколе, уже не выглядел просто неверным адресом встречи. За ним начиналась целая последовательность её подтверждённых перемещений.

* * *

Старый подъезд дома Лебедевых охранялся двумя способами: домофоном, который почти месяц не запирал дверь, и вниманием соседей, привыкших отличать жильцов по шагам. Первый не помог. Второй давал противоречивые показания.

Тамара Петровна открыла Беловой в домашнем платье и сразу спросила, нашли ли убийцу. Следователь объяснила, что не может обсуждать ход расследования, и попросила вернуться к пятнице.

— Вы говорили, что слышали удар около двух.

— Говорила.

— Вам показывали запись передачи. Оказалось, в тот день программа началась не без пяти два, а на десять минут позже. Вы всё ещё уверены в часе?

Соседка нахмурилась.

— Я же не часы в руках держала. Телевизор включила, суп грела. Когда ударило, там уже врач рассказывал.

— Тогда время могло быть и после двух?

— Могло.

— А шум был один?

— Один сильный. Потом как будто кто-то быстро спускался. Я не открывала. Мне шестьдесят восемь лет, и в доме постоянно кто-нибудь ругается на площадке. Не буду вам теперь рассказывать, что слышала убийство, если не знала этого.

Белова записала сказанное, не пытаясь вытянуть из пенсионерки описание невидимого человека.

— Вы раньше упоминали женщину с папкой. В октябре. Она могла работать у Веры?

— Может. Лица я не запомнила. Слышала, как они говорили в коридоре. Вера сказала: «Я вам уже всё отдала». А та ответила: «Не мне».

— Почему вы раньше этого не рассказали?

— Вы про внешность спрашивали. Я сказала, что молодая и в бежевом. А слова вспомнила сейчас, когда вы спросили про работу.

Белова помолчала. Деталь была существенной, но появлялась спустя несколько дней после события — как и десятки других деталей в любом большом деле. Она попросила соседку не повторять диалог родственникам, чтобы его никто не закрепил в чужой памяти как установленный факт.

Выйдя из квартиры, следователь поднялась к площадке третьего этажа. Следы осмотра уже убрали. На месте, где обнаружили тело, лежал новый коврик с надписью «Добро пожаловать».

Поляков видел здесь Веру только после смерти. Белова то-

же. И обоим приходилось собирать последние часы её жизни из того, что осталось у других.

* * *

К вечеру лаборатория сообщила о предварительных результатах исследования одежды. На шарфе Веры сохранились посторонние волокна, но происхождение по одному составу установить было нельзя. На одном из рукавов — следы контакта с шероховатой окрашенной поверхностью. Это могло быть перило, стена или предмет, который находился рядом во время борьбы.

— Никакой красивой улики, — сказал молодой специалист, когда Белова приехала за пояснениями.

— Мы не ищем красивую.

— Тогда ещё одно. Вторую перчатку вы у неё не обнаружили?

Белова подняла взгляд.

— Нет. Одну она оставила в отделе вечером накануне. Парной при осмотре не было.

— Это я и хотел уточнить. В кармане пальто нашли не перчатку, а короткую серую нитку, скрученную вдвое. У обычной шерстяной перчатки может быть такая нить. Я не берусь сказать, что она от той самой.

Белова попросила приложить микрофотографии к материалам исследования.

Человек, который убил Веру, мог унести вторую перчатку случайно. Мог снять её во время борьбы. А мог вообще не

видеть: женщина могла потерять вещь ещё по дороге.

Следователь вернулась к списку предметов, находившихся в сумке. Аптечный пакет, детский дождевик, ключи, несколько квитанций. Она остановилась на последнем слове.

— Квитанции за что?

— За оплату коммунальных услуг. И чек из аптеки, — ответил Чистяков, сверившись с описью.

— А документы, за которыми она возвращалась?

— В сумке нет.

— Возможно, не успела подняться в квартиру. А возможно, их уже забрал кто-то другой.

Она посмотрела на фотографию коврика на площадке. Ключи Веры лежали в сумке. Если она дошла до двери квартиры, почему не открыла её?

Вопрос был простым. Ответа пока не существовало.

Глава 11. Человек, который подтвердил

У Бориса Мезенцева на складе было две камеры. Одна смотрела на въезд, вторая — на помещение, где сотрудники выдавали коробки. Работали обе, но в архиве за пятницу осталась запись только с первой.

Мезенцев встретил Чистякова без удивления.

— Уже приезжали ваши, — сказал он. — Я всё рассказал.

— Поэтому я и приехал с уточнением. Олег Лебедев утверждает, что получал у вас фильтры для автосервиса.

— Получал заказ. Сам или через водителя — это надо по документам смотреть.

— А вы говорили, что видели его лично.

Мезенцев отвёл взгляд на стеллажи.

— Ну, может, ошибся. У меня за день двадцать машин. Хотите точно — смотрите журнал.

На листе выдачи товаров стояла фамилия Лебедева и отметка «14:10». Подписался кладовщик, закончивший смену в три часа.

— По камере въезда машина Лебедева не появлялась, — произнёс Чистяков.

— Значит, другой забрал.

— Кому отдали?

— Водитель мог назвать его фамилию.

Чистяков отметил ответ. Мезенцев не был обязан помнить каждого получателя через неделю. Но из его первых объяснений следовало, что он якобы разговаривал с Олегом лично. Теперь это утверждение рассыпалось при проверке.

— Почему внутренняя камера ничего не сохранила?

— Система перезаписывает каждые три дня. Мы не знали, что вам понадобится.

— А внешняя?

— Там другой регистратор. Старая система.

Чистяков запросил документы на оборудование и попросил вызвать представителя обслуживающей организации. Мезенцев начал раздражаться.

— Что вы всё привязываетесь к железкам? Женщину убили в Москве, а у меня коробки с фильтрами. Вы хотите сказать, что я её убил?

— Нет. Я хочу установить, кто в пятницу забрал заказ.

— Тогда проверяйте машину. Это же проще.

— Проверяем.

Когда Чистяков вернулся к выходу, его догнал молодой кладовщик.

— Я могу сказать, кто расписывался, — произнёс он вполголоса.

Чистяков остановился.

— Вам лучше рассказать это при надлежащем оформлении. Сейчас только скажите, готовы ли дать объяснение.

— Готов. Просто Борис Сергеевич просил никому не говорить, что мы иногда выдаём товар другому водителю.

— Что значит — другому?

— По доверенности. Одна машина забирает за несколько клиентов. В пятницу так и было. Приехал белый фургон. Я фамилии не помню, но документы у водителя были.

— Вы уверены, что именно в пятницу?

— У нас в тот день электричество пропадало, принтер не работал. Поэтому я и запомнил, что всё писали от руки.

Он посмотрел на кабинет начальника и добавил:

— А журнал потом переписывали. Потому что не все строки можно было прочитать.

* * *

Белова получила эти сведения вместе с протоколом объяснения кладовщика к вечеру. Она смотрела не столько на время выдачи, сколько на обстоятельство, которое прежде казалось незначительным: исправленный журнал.

— У нас уже третий документ, который появился позже события, — сказала она Чистякову.

— Журнал склада, дополнительное объяснение Веры, старая архивная запись?

— Не надо их объединять. Переписанный журнал при выдаче фильтров может быть обычной небрежностью. А старую подпись ещё нужно исследовать. Но способ мышления один: все полагаются на последнюю бумагу, если оригинал не сохранился.

Чистяков положил перед ней распечатку.

— Оригинал внешней записи склада действительно существует. Машины Лебедева на ней нет. Зато в четырнадцать шесть въезжает белый фургон. Номер читается не полностью. По регистрационным признакам мы направили запрос.

— И что с алиби Олега?

— Его поездка на склад пока не подтверждена. Но отсутствие машины на одной камере ещё не доказывает, что он был возле дома Веры.

Белова кивнула. Олег мог намеренно придумать поездку, скрывая встречу с другим человеком или собственные перемещения. Мог просто неверно пересказать получение заказа, который ему доставили. Оба объяснения проверялись без помощи его темперамента.

— Доставку деталей в сервис подтвердили?

— Коробки действительно появились вечером. В накладной получателем указан Лебедев. Время приёмки не заполнено.

— Значит, кто-то знал, что детали будут. Но мы не знаем, когда и как.

Она убрала лист в папку.

— Кондратьев?

— С ним назначена беседа. Юридических оснований удерживать его сейчас нет. Представитель уже интересовался, почему у нас столько вопросов к старым служебным документам.

— Пусть интересуется.

Чистяков собирался выйти, но остановился.

— Один из его прежних работодателей подтвердил, что он действительно занимался охраной здания, где раньше арендовала офис «Медиалайн-Снаб». Правда, договор закончился ещё в августе.

— То есть формальный доступ к офису у него закончился за три месяца до смерти Веры.

— Именно. Но люди могли остаться знакомыми.

— И могли не остаться. Проверим.

* * *

В тот же вечер Поляков приехал за дочерью после дополнительных занятий. Он обещал встретить её у школы и не хотел снова искать причину не приехать.

В школьном холле несколько родителей обсуждали подготовку к экзаменам, расписание и стоимость занятий. Андрей сел у окна и неожиданно почувствовал себя человеком без профессии. Никого здесь не интересовало, кого он допрашивал и какие документы подписывал. Ему даже стало легче.

После занятий дочь догнала его на лестнице.

— Ты правда от работы отстранён?

— Временно не участвую в одной проверке.

— Это другое слово для «да»?

— Почти.

Она посмотрела на него снизу вверх. В семнадцать лет дети уже умеют задавать вопросы так, что от ответа невозмож-

но уклониться.

— Ты сделал что-то плохое?

— Нет.

— Тогда почему всё время смотришь в телефон, будто ждёшь, что тебе скажут обратное?

Он хотел ответить привычно: служба такая. Но она впервые спрашивала не про службу.

— Потому что кто-то использовал моё имя, — сказал он.

— И теперь мне нужно дождаться, пока установят кто.

— Ты сам не можешь?

— Самому сейчас нельзя. Иначе потом никто не поверит даже тому, что я действительно найду.

Дочь обдумала эти слова.

— Ну так дождись. Я же когда контрольную пишу, не могу сама себе оценку поставить.

Андрей улыбнулся.

Они вышли из школы, прошли вместе до остановки. Дочь рассказывала о подруге, которая собиралась поступать в медицинский, но боялась биологии. Поляков слушал и впервые за неделю не прокручивал в голове подпись на чужом листе.

Пока телефон не завибрировал.

Сообщение пришло от неизвестного номера, того самого, с которого его уже предупреждали о Зотове.

«Вы спрашиваете не у того человека. Спросите, кто первым узнал о смерти Веры».

Поляков остановился у пешеходного перехода. Светофор

переключился на зелёный, люди двинулись вперёд.

Он не стал отвечать. Сделал снимок экрана и отправил Беловой.

Дочь ждала по другую сторону дороги.

Андрей впервые за вечер почувствовал, что кто-то специально подбирает минуты, когда он перестаёт думать о деле.

Глава 12. До первого звонка

В пятницу, двадцатого ноября, журналист районного издания Алексей Вишняков пришёл в следственное подразделение сам. Он заранее сказал, что не назовёт источник, если речь пойдёт об обычной редакционной переписке. Но готов предоставить материал, потому что время одного сообщения показалось ему неправильным.

Белова предложила начать с того, что он может подтвердить без раскрытия источника.

— Статью про Лебедеву вы опубликовали в субботу?

— Да. В девять сорок две утра. До этого она была в редакционном черновике.

— Кто сообщил вам о дополнительном объяснении?

— В пятницу вечером пришли фотографии двух страниц. Имя отправителя я не назову. Могу показать входящее сообщение на телефоне, если это будет оформлено и если мы договоримся о пределах осмотра.

— А почему пришли сегодня?

Вишняков положил на стол тонкую записную книжку. Она была почти пустой; на первой странице значилось «Лебедева» и три времени.

— Потому что в пятницу мне написали дважды. В первый раз — ещё до сообщения о смерти.

Белова не потянулась к книжке.

— Что написали?

— «Женщина, которая вчера обращалась с заявлением, отказалась от претензий. Есть документ. Подробности вечером». Я ответил, что не понимаю, о ком речь. Тогда прислали фамилию.

— Во сколько?

— В тринадцать двадцать семь. Я проверял историю переписки. Это время стоит у сообщения.

Белова записала цифры.

— А второй раз?

— В четырнадцать восемнадцать. «Лебедева мертва. Сейчас будут говорить, что ей не помогли. Документ подтверждает обратное».

— Вы знали, где она погибла?

— Нет. Я спросил адрес. Мне не ответили. В пятнадцать с чем-то я увидел информацию в районном чате. Только тогда понял, что это не дурацкий розыгрыш.

Следователь раскрыла служебные записи: первый вызов о женщине, обнаруженной на площадке, поступил в четырнадцать пятьдесят две. В четырнадцать восемнадцать официальный вызов ещё не был зарегистрирован.

— Вы уверены, что сообщение действительно получено в это время, а не загружено позже из резервной копии?

— Я понимаю, почему вы спрашиваете. Телефон у меня при себе. Переписка до сих пор там. Я не специалист, чтобы утверждать что-то большее.

— Сохранились уведомления, резервная копия, данные вашего оператора или сервиса?

— Надеюсь. Я потому и не удалял ничего.

Белова попросила подготовить письменное заявление и согласовать процессуальное получение цифровых данных.

Вишняков согласился. После короткой паузы спросил:

— Вы думаете, я получаю сообщения от убийцы?

— Пока я думаю, что вы получили сведения раньше, чем их зарегистрировали официально. Между этими событиями есть разница.

— Но он знал, что она мертва.

— Или думал, что знает. Или хотел, чтобы вы так считали. Мы установим, насколько достоверны время и содержание сообщения.

Вишняков сложил книжку.

— Значит, я правильно сделал, что пришёл?

— Да. Правильно.

Он впервые за всё время немного расслабился.

* * *

Проверка журналистской переписки заняла несколько часов. Специалист зафиксировал состояние телефона, историю сообщений и служебные данные, доступные на устройстве. По одному экрану невозможно было установить отправителя; время следовало сопоставить с данными сервиса и другими источниками. Но уже сейчас стало ясно, что Вишняков не придумал содержание разговора на месте.

Белова вызвала Чистякова и положила перед ним хронологию.

13:27 — неизвестный сообщает журналисту об «отказе от претензий».

14:18 — тот же отправитель сообщает о смерти Веры.

14:45 — соседка обнаруживает женщину на лестнице, согласно её словам.

14:52 — регистрируется первый экстренный вызов.

17:37 — в переданных следствию материалах обнаруживают копию дополнительного объяснения.

— Если всё это подтвердится, — сказал Чистяков, — кто-то знал о смерти за полчаса до соседки.

— Или был уверен, что она должна умереть, — ответила Белова.

— Вы же сами всегда требуете не угадывать.

— И сейчас требую. Это разные проверяемые версии. Записывайте обе.

Чистяков взял хронологию.

— А первое сообщение про отказ? Вера к тому времени уже получила предупреждение. Она знала о бумаге до одиннадцати двадцати одной.

— Да. И журналисту написали о ней спустя два часа. Значит, документ либо подготовили заранее, либо его содержание знали люди, которые не должны были знать ничего об объяснении от тринадцатого ноября.

— У нас уже есть предположение о шаблоне из старых

материалов.

— Предположение. Не ответ.

Она попросила установить всех, кто видел Веру живой после двенадцати ноль восьми, и отдельно определить круг людей, которым мог быть известен факт её смерти до официального сообщения.

Чистяков посмотрел на часы.

— Рогова согласилась помочь связаться с прежней заявительницей. Только та просит не приезжать домой без договорённости.

— Так и сделаем. Никаких внезапных визитов.

— А Кондратьев?

— Пусть придёт с представителем, если хочет. Меня интересует не его характер, а причины, по которым он получал архивные материалы и как оказался связан с офисом Веры.

Чистяков убрал бумаги и вышел. Белова осталась одна.

На столе лежали три разных истории. Женщина, которую не смогли защитить. Другая женщина, которая четыре года назад сумела уехать и остаться живой. И полицейский, чью подпись кто-то научился использовать так давно, что сам он уже не помнил половины документов с того времени.

Белова не знала, был ли у всех трёх историй один организатор. Но теперь ей был нужен человек, который отправил журналисту сообщение в четырнадцать восемнадцать. Не потому, что это обязательно был убийца.

Потому что этот человек знал то, что остальные узнали

только после звонка в экстренную службу.

* * *

Поздно вечером Вишняков позвонил Беловой ещё раз.

— Извините за время. Я вспомнил одну вещь. Наверное, глупость.

— Говорите.

— Когда мне написали в первый раз, я спросил, почему именно я. Зачем районному журналисту чей-то отказ от заявления. Отправитель ответил: «Потому что вам завтра нужно будет объяснить, почему её не спасли».

Белова перестала писать.

— Эта фраза сохранилась в переписке?

— Да. Я только сейчас понял, что тогда прочёл её как обычное высокомерие. Думал, человек обещает мне скандал. А он писал о завтрашнем дне.

Следователь посмотрела на часы. Было двадцать три сорок семь. Статью редакция опубликовала почти неделю назад. Теперь выяснялось, что её появление кто-то планировал заранее.

— Алексей, больше никому не пересказывайте это своими словами. И не отвечайте отправителю, даже если он снова напишет.

— Вы думаете, он напишет?

Белова закрыла блокнот.

— Не знаю.

Но теперь у неё было основание поставить перед специа-

листами ещё один вопрос: когда именно человек заготовил сообщение, в котором заранее объяснял не событие, а реакцию на него?

Глава 13. Женщина, которая уехала

Екатерина Рогова не назвала Беловой адрес прежней доверительницы. Она прислала только номер телефона и время, когда та согласилась ответить на звонок. В сообщении отдельно попросила не обращаться к женщине через прежнего мужа и не разыскивать её по месту работы.

В понедельник, двадцать третьего ноября, Белова позвонила ровно в десять. Ответили не сразу. Сначала слышался стук посуды, затем женский голос произнёс:

— Если вы из полиции, назовите, пожалуйста, как вас зовут и откуда звоните. Я запишу.

— Инга Павловна Белова. Следственный комитет. Вы можете проверить номер через приёмную и перезвонить.

— Я уже проверила. Просто хотела услышать, что вы скажете.

Женщину звали Лариса Чернова. Четыре года назад она носила фамилию Антипова. Сейчас жила под Тверью, работала администратором в небольшом медицинском центре. Она согласилась приехать в Москву через два дня, когда сможет поменяться сменами. Больше никаких обещаний не дала.

— Вы хотите снова поднимать то дело? — спросила она.

— Я хочу выяснить, откуда появился документ, который вы отрицали. Вас не будут просить возвращаться к бывшему

мужу или повторно встречаться с ним.

— Он не был моим мужем. Это все так записали, потому что жили вместе. Вы хотя бы с этого не начинайте.

Белова открыла копию решения за 2022 год. В графе «семейное положение» действительно стояло: «сожитительство».

— Хорошо. Исправлю в своих записях.

— А в бумагах не исправите.

— В старых — нет. Но ваше уточнение будет отражено отдельно.

Лариса молчала достаточно долго, чтобы Белова успела услышать в трубке, как закрывают металлический шкаф.

— Среда, одиннадцать, — сказала женщина. — У Роговой. Только я приду сама. Не надо за мной машину посылать.

* * *

Пока ждали среды, Чистяков проверял то, что уже можно было проверить без Ларисы. Дело четырёхлетней давности касалось угроз со стороны Евгения Молчанова, управлявшего небольшой транспортной фирмой. Компания развозила продукты, оборудование и медицинские расходники. Формально её договоры не имели отношения к ведомственной клинике, акты которой сохранила Вера Лебедева.

— И правильно, — сказала Белова, когда он положил на стол выписки. — Не нужно подгонять два разных бизнеса друг к другу только потому, что там есть слово «медицинский».

— Зато у нас есть два отделения, одинаковая фраза и оди-

наковая минута.

— Три совпадения. Пока без механизма.

Чистяков подвинул следующий лист. Это был ответ на запрос о старом журнале регистрации обращений. Лариса подала заявление двадцать седьмого декабря 2022 года. Дополнительное объяснение значилось составленным тридцатого числа в одиннадцать четырнадцать. Через неделю материал завершили решением об отказе в возбуждении уголовного дела. Позже решение отменяли для дополнительной проверки, затем вновь принимали похожее.

— Оригинал дополнительного объяснения? — спросила Белова.

— По описи ушёл вместе с материалом в архив. Теперь числится отсутствующим. Осталась копия из жалобы Роговой.

— Где потеряли?

— Пока никто не признаёт, что терял. В карточке просто стоит «не обнаружен при сверке».

Белова посмотрела на дату. Тридцатое декабря. В тот же день, когда кто-то расписался за Полякова при выдаче папки ПР-214/22.

— Это уже не совпадение слов, — сказала она. — Установите, относится ли папка к материалу Черновой. По официальным регистрационным номерам, не по чьему-то рассказу.

Чистяков кивнул.

Она заметила на его столе тонкую папку с надписью «Ле-

бедев. Автосервис».

— Как дела с белым фургоном на складе?

— Нашли перевозчика. В тот день он забирал заказы для шести клиентов. Фильтры Олега приняли в сервисе после чётёрёх. Олега на складе никто надёжно не опознал.

— Выходит, его маршрут между двенадцатью сорока и пятнадцатью десятью всё ещё не установлен.

— Да.

— И не пытайтесь заполнить эти часы чужим фургоном. Нам нужен он сам.

* * *

В среду Лариса Чернова пришла в кабинет Роговой без пальто, хотя на улице было холодно. Она сняла его ещё в коридоре и держала на согнутой руке, как человек, не рассчитывающий задержаться. В маленькой переговорной адвокат поставила три чашки, но Лариса попросила воду.

— Только не фотографируйте меня, — сказала она Беловой. — Я до сих пор не люблю, когда на меня наводят телефон.

Следователь убрала служебный аппарат в сумку. Разговор начался с уточнения фактов, которые уже находились в документах. Дата первого обращения. Адрес отдела. Фамилия сотрудника. Лариса отвечала быстро, пока речь шла о числах.

Когда дошли до дополнительного объяснения, она остановилась.

— Я его увидела впервые в январе, у Екатерины Сергеевны. Там было написано, что я преувеличила и что Евгений мне не угрожал. Только он угрожал. По телефону, возле дома, на работе. И ещё у моей мамы. Я тогда думала, что если всё собрать на бумаге, мне наконец поверят.

— Вы приходили в отдел тридцатого декабря?

— Нет. Меня в тот день там не было.

— Где вы находились?

Лариса достала из сумки прозрачный конверт. Внутри лежала старая запись к стоматологу и чек об оплате. Приём был назначен на одиннадцать, оплата прошла в одиннадцать пятьдесят две. Кабинет находился в другом районе. До полиции оттуда было больше часа общественным транспортом.

— Я храню это четыре года, — сказала Лариса. — Не потому, что люблю квитанции. Потому что тогда мне говорили: «Вы просто забыли, что приезжали». Мне было тридцать четыре, Инга Павловна. Я ещё вполне могла помнить, куда ходила три дня назад.

Белова аккуратно переписала реквизиты. Чек не доказывал, что именно Лариса находилась в клинике весь час, но давал независимый источник для проверки. Так она и сказала. Лариса неприятно усмехнулась.

— Вы все говорите одинаково.

— Возможно. Но мне не нужно, чтобы вы верили мне на слово. Я обязана проверить и то, что вам поможет, и то, что может опровергнуть ваш рассказ.

— Вот это я уже слышала от Екатерины. — Лариса посмотрела на адвоката. — Она хотя бы потом действительно проверила.

Рогова ничего не ответила.

— Есть ещё что-то, чего не было в жалобе? — спросила Белова.

Лариса долго смотрела на свои руки.

— Перед Новым годом Женя прислал мне фотографию, — сказала она. — Не свою. Моего заявления. Сверху, на столе. Я тогда испугалась не фотографии, а подписи внизу. Сказала ему: откуда у тебя это, документ же в полиции. Он ответил: «Бумаги можно читать, даже если ты их никому не показывала».

— Фотография сохранилась?

— На старом телефоне. Я его выключила и убрала, потому что номер сменила. Не знаю, включится ли.

— Когда пришло сообщение?

— Двадцать девятого декабря. Вечером.

Белова перестала писать. По архивной записи неизвестный якобы получил папку с материалами на следующий день. А бывший партнёр Ларисы видел фотографию заявления ещё накануне.

— Вы точно помните дату?

— На следующий день у меня был стоматолог. Я не по памяти говорю. Я сохранила переписку на карте памяти, когда меняла телефон. Екатерина Сергеевна просила ничего не

стирать.

Адвокат кивнула.

— В тот момент мы не получили от следствия подтверждения происхождения снимка. Он мог быть сделан при обычном ознакомлении с материалами либо позднее подложен в переписку. Потому я и не называла это доказательством утечки.

— Правильно, — ответила Белова. — Сначала установим исходный файл и время. Но если документ оказался у постороннего раньше, чем по журналу его выдали, нам придётся заново выяснять, что в действительности отражал этот журнал.

Лариса натянула пальто.

— Только поймите одну вещь. Я уехала не потому, что боялась его кулаков. Мне было страшно, что он всегда узнавал, что я рассказала другим. Даже когда я говорила в комнате без него.

Она направилась к двери, потом остановилась.

— Женщина, из-за которой вы пришли... Она тоже думала, что бумаги помогут?

— Да, — сказала Белова.

— Тогда хотя бы не пишите в конце, что она сама виновата, раз вернулась домой.

Когда за Ларисой закрылась дверь, Рогова поставила её нетронутую чашку на край подноса.

— Четыре года, — произнесла она. — Она за эти четыре

года три раза меняла телефон и два раза работу. А старая бумага по-прежнему диктует ей, где можно жить.

Белова не стала отвечать сочувственной фразой. Вместо этого попросила адвоката помочь организовать добровольную передачу устройства для исследования.

Ей нужен был не ещё один рассказ об одинаковой подделке. Ей нужно было понять, почему фотография официального документа оказывалась в чужих руках до официальной выдачи материалов.

Глава 14. Седьмое приложение

Нина Савельева работала в архиве всего семь месяцев. Сейчас от неё оставались фамилия в таблице, копия трудового договора и чужие воспоминания о том, что она приходила к одиннадцати и всё время мёрзла.

Чистяков нашёл её не через бывших коллег, а по официальному ответу кадрового подразделения. Контактный номер оказался действующим. Женщина попросила прислать письменное приглашение и сразу предупредила, что давно не работает с полицейскими документами.

— Я вообще теперь мебель продаю, — сказала она. — У нас магазин на Варшавке. Какой там архив.

На следующий день она пришла с телефоном, в котором сохранились фотографии старой работы. Не документы, а поздравления с Новым годом, бумажные гирлянды, коллеги у стеллажа. На одном снимке Чистяков заметил металлическую тележку с двумя коробками. На верхней маркером было выведено «ПР-214».

— Можно получить оригинал снимка? — спросил он.

— Можно. Только не надо утверждать, будто это я коробку куда-то возила. У нас их было много.

Нине было тридцать два. Она отвечала небрежно, но каждый раз поправляла Чистякова, если он произносил неточный термин.

— Не «папку выдавали», — сказала она. — Я по поручению переносила связки из описи в опись. Открывать сам материал без ответственного лица мне не разрешали. А в журнале иногда записывали движение не листов, а целого короба.

— Вы дежурили тридцатого декабря двадцать второго года?

— Да. Последний день. До обеда мы закрывали годовые описи. Потом приехал человек с разрешением на сверку цифровых копий.

— Кто?

— Я не помню фамилию. Тёмная куртка, высокий, с папкой на молнии. Со мной разговаривал нормально. Я ему сказала, что сканировать без согласования ничего нельзя. Он показал бумагу, я передала старшей.

— Это мог быть Сергей Кондратьев?

Чистяков положил перед ней несколько фотографий людей одной возрастной группы, не указывая нужное лицо. Нина просмотрела все.

— Вот этот похож, — сказала она и указала на снимок Кондратьева. — Но четыре года прошло. Если вы мне завтра покажете другого, я могу подумать иначе. Запишите так.

— Что было в папке на молнии?

— Не знаю. В руках он держал лист с подписью начальника. Я проверила номер, потому что номер был написан странно: «214/22-7». В журнале обычно сперва ставили но-

мер папки, потом через дробь — приложение. А тут номер уже принесли вместе с дробью.

Белова, присутствовавшая при разговоре, подняла взгляд.
— Седьмое приложение?

— Так было написано. Слово «приложение» там не было, только цифра. Я как раз спросила, что за семь. Старшая сказала: не твоё дело, номер целиком перепиши.

— Вы переписали?

— На отдельный лист для годовой сверки. Книга была у Лукиной, а она тогда разбирала второй шкаф.

Чистяков повернул к ней копию журнала с подписью Полякова и странным временем «010:40».

— Это вы писали?

Нина посмотрела на цифры.

— Первую строку с номером — возможно. А время — точно нет. Я так ноль впереди не ставила. Да и никто у нас не ставил. Это похоже на человека, который хотел написать «10:40» и задел соседнюю клетку.

Она помолчала, затем добавила:

— А подписи я ни за кого не ставила. Если вам это нужно, можете сразу записать.

— Нужно то, что вы действительно знаете, — сказала Белова. — Кто имел право выдавать материалы, где хранились документы сверки и какие копии делались.

— Копии? — Нина нахмурилась. — Там же была не оцифровка материала. Там сверяли опись.

— Откуда вы знаете?

— Потому что к сканеру никто не подходил. Я его в тот день выключила, там лампа перестала гореть ещё двадцать восьмого. А человек был с готовой распечаткой. Ему нужно было, чтобы отметка о выдаче совпала с тем, что у него написано.

* * *

В архиве сохранилась небольшая пачка листов ежегодной сверки. Не сами объяснения, не персональные дела — только сопроводительные записи: номера коробов, даты возврата, состояние переплёттов, недостающие приложения. Галина Степановна нашла её во время проверки помещения после первого визита следователей и сообщила об этом официально, не вытаскивая листы из шкафа.

В присутствии ответственного за хранение Чистяков сравнил записи. На листе от тридцатого декабря у номера ПР-214/22 стояло: «Прил. 7 — копия выдаётся отдельно, оригинал остаётся у ответственного».

Рядом — подпись, которую пока невозможно было разобрать. Не Полякова и не Лукиной: две начальные буквы выглядели как «С. К.».

— Это не устанавливает человека, — сказал Чистяков.

— Зато устанавливает, что существовало отдельное приложение, — ответила Белова. — И что кто-то захотел вынести именно копию.

Она попросила составить перечень документов, которым

в этом архиве присваивали отдельные номера приложений. Выяснилось, что это могли быть фотографии места происшествия, носители с записями, справки, копии пропусков. Всё зависело от типа материала.

Нужна была опись самой папки. Её к тому времени нашли в основном архиве, вместе с пустой обложкой. Внутри оставались листы с номерами с первого по шестой и с восьмого по одиннадцатый. На месте седьмого — тонкая полоска от порванного пластикового файла.

— Как будто седьмой лист просто забрали, — сказал молодой сотрудник, который помогал описывать упаковку.

— Не спешите, — поправила Белова. — Пустое место ещё не говорит, кто и когда забрал лист.

Опись назвала документ: «Приложение № 7. Электронная копия журнала первоначальной регистрации. Носитель и акт передачи».

Пока что это было всё. Даже неизвестно, относилась ли электронная копия к заявлению Ларисы Черновой или к другому эпизоду. В 2022 году под одним индексом могли храниться несколько материалов административной сверки.

Белова попросила подготовить запрос на поиск дублирующих актов передачи в бухгалтерии и отделе информационного обеспечения. Любой внешний носитель, перемещавшийся между подразделениями, должен был оставить хотя бы след при инвентаризации. Если такого следа не было, это тоже предстояло объяснить.

Вечером Нина Савельева позвонила Чистякову сама.

— Я вспомнила про цифру семь, — сказала она. — Из-за фотографии. Там тележка, а на ней две коробки. И у нижней была бумажка с красной точкой. Мы такие клеили на материалы, которые нельзя уничтожать вместе с копиями.

— Вы можете переслать снимок в исходном виде?

— Уже переслала на адрес, который вы дали. И ещё хотела сказать: тот мужчина приходил не за папкой из соседнего района. Он говорил, что нужно вернуть в оборот список тех, кто имел доступ к первичной регистрации. Не к одному заявлению. Ко всему журналу.

Чистяков попросил её повторить дословно.

— «Список доступов», — сказала Нина. — Он так выразился. Я тогда ещё удивилась. У нас никто не говорил «доступы». Мы говорили: кому выдали и кто расписался.

— Вы рассказали об этом Лукиной?

— Рассказала. Она сказала, что если начальник написал, пусть начальник и отвечает.

После разговора Чистяков не стал звонить Полякову. Он написал Беловой служебную записку.

Вопрос теперь звучал иначе. Кто-то интересовался не конкретной жалобой, а тем, какие сотрудники и в какие дни могли выглядеть участниками чужих проверок. Для подделки дополнительного объяснения это было полезнее, чем один образец подписи.

Где находился список и кто получил его копию, оставалось неизвестно.

Глава 15. Пятнадцать минут

В пятницу, двадцать седьмого ноября, Белова положила на стол два листа. На первом было напечатано «13 ноября. Вера Лебедева». На втором — «13 ноября. Олег Лебедев».

Она старалась не складывать их в одну хронологию. Во время семейных убийств эта ошибка происходила слишком легко: любое перемещение мужа автоматически становилось преследованием, а каждое движение жены — попыткой от него скрыться. Между тем оба человека успели за день побывать в десятках мест, ни одно из которых не обязано было иметь отношение к преступлению.

Чистяков пришёл с результатами проверки автомобиля Олега.

— В пятницу он говорил, что ездил за фильтрами на своей машине, — напомнил он.

— Помню.

— Сервисная камера показывает, что машина стояла во дворе предприятия с одиннадцати двадцати до четырнадцати пятидесяти девяти. На выезде её зафиксировали только после трёх. Архив сохранили в день убийства, сейчас сверили время регистратора с записями соседнего магазина.

Белова перевернула второй лист.

— А Олег?

— После двенадцати сорока на камере сервиса его нет. В

пятнадцать десять он снова появляется. Получается, уехал без машины. Или вышел пешком, а потом вернулся.

— Это исключает поездку на склад на собственном автомобиле. Не исключает поездку на такси, метро или чужой машине.

— Я не предлагаю обвинять его по парковке.

Чистяков сказал это устало. Последние дни он слышал столько замечаний о пределах доказательств, что иногда начинал формулировать их раньше Беловой.

— Что говорит?

— Предлагает уточнить показания. При адвокате.

Белова посмотрела на часы.

— Пусть придёт. Только до его прихода запросите сведения о вызванном такси, если он вообще им пользовался. И не показывайте ему сначала полный маршрут Веры.

* * *

Олег пришёл в три часа. На этот раз без бумажного стаканчика. Он заметно похудел за две недели и теперь держал руки под столом, словно опасался, что следователь снова обратит внимание на каждое движение пальцев.

— Я не ездил на склад, — сказал он сразу. — Мне привезли заказ. Это всё.

— Почему раньше утверждали обратное? — спросила Белова.

Адвокат наклонился к нему, но Олег продолжил:

— Потому что я был в другом месте. Не у Веры. Я хотел,

чтобы она думала, будто занят работой.

— Где вы были с двенадцати сорока до трёх десяти?

— В кафе на Соколе. Ждал человека. Потом поехал назад.

— Кого ждали?

— Кондратьева.

Белова ничего не записала несколько секунд. Олег заметил.

— Он обещал помочь поговорить с Соней. Я знаю, как это звучит. Ребёнка нельзя передавать через каких-то знакомых. Но Вера не давала мне видиться с дочерью, а Сергей говорил, что знает, как это оформить без суда.

— Почему в пятницу?

— Мы договаривались ещё в среду. Он позвонил и сказал: подъезжай, поговорим. Я приехал. Он не появился.

— Во сколько вы с ним созванивались?

— В двенадцать двадцать шесть. И потом, когда понял, что не придёт, где-то в начале третьего.

— В начале третьего — это когда?

— Посмотрите звонки. Я не помню минуты.

Белова попросила его назвать кафе, способ оплаты и маршрут возвращения. Он ответил не на все вопросы. По его словам, добирался на метро, расплатился наличными, сидел в глубине зала. Заказал кофе и не выпил.

— Вы можете объяснить, зачем скрывали эту встречу, если она действительно была? — спросила она.

Олег впервые посмотрел на неё прямо.

— Потому что Вера умерла, а я две недели до этого говорил ей, что если понадобится, в полиции у меня есть свои люди. Если бы я сразу рассказал, что в день её смерти встречался с бывшим полицейским, вы бы перестали слушать всё остальное.

— Скрывая встречу, вы не сделали своё положение лучше.

— Я уже понял.

— Кондратьев знал, что ваша жена подала заявление?

Олег опустил глаза.

— Я написал ему вечером в четверг. Спрашивал, может ли он выяснить, чем мне это грозит. Он ответил: «Не звони ей сегодня. Утром всё станет проще».

— Сообщение сохранилось?

— Да.

Белова попросила его пока не открывать телефон и согласовать добровольную передачу данных для фиксации. У Олега дрогнули губы.

— Я ведь и правда ей угрожал, — сказал он. — Не убивал, но угрожал. Теперь, когда все эти бумаги... Может, кому-то вообще не нужно было, чтобы я её убивал. Достаточно того, что я вёл себя так, будто мог.

Следователь не стала возражать. Впервые за разговор он произнёс не оправдание, а обстоятельство, которое ему самому было неприятно признавать.

— Вы помните, где находились в четырнадцать восемна-

дцать? — спросила она.

— Нет. Уже шёл к метро, наверное. Сергей так и не приехал.

— Тогда будем устанавливать.

* * *

Проверка кафе дала меньше, чем ожидал Чистяков. Камера у кассы действительно запечатлела Олега в тринадцать ноль девять. Он купил чёрный кофе. В четырнадцать ноль одну вышел через главный вход. Второй выход находился у служебного коридора; камера там не работала уже месяц.

— Временной промежуток до убийства остаётся, — сказал Чистяков.

— Остаётся. К дому Веры от кафе можно добраться минут за двадцать, если повезёт с дорогой. И обратно в сервис до трёх десяти — тоже не невозможность.

— Значит, он мог убить её.

— Мог физически оказаться поблизости. Это не одно и то же.

Белова попросила определить, выходил ли он из кафе раньше через служебный проход и возвращался ли. По кассе этого не понять. Камеры на соседних зданиях могли зафиксировать часть тротуара, но записи следовало проверить, прежде чем уверенно говорить о маршруте.

К вечеру она вернулась к первому листу — к Вере.

После покупки в аптеке в двенадцать ноль восемь женщина не отправилась сразу домой. Она сделала ещё одну оста-

новку: банкомат в торговом центре зафиксировал попытку снять наличные, которую Вера прервала до выдачи денег. Потом её карту использовали на турникете метро. Время входа подтвердили через транспортную систему по запросу следствия; оно приходилось на тринадцать двенадцать.

— Почему она пыталась снять деньги? — спросил Чистяков.

— Не знаю. Может, хотела расплатиться с таксистом. Может, вспомнила, что деньги нужны матери. Может, испугалась и передумала.

— А куда ехала?

— Её станция назначения сама по себе ничего не объяснит. Но записи перехода сохранились частично, и есть один кадр с женщиной в белом шарфе.

На экране ноутбука Вера поднималась по эскалатору, держа бумажный пакет в левой руке. Часы камеры показывали тринадцать сорок. Она оглянулась назад. За её спиной шёл мужчина с маленькой спортивной сумкой. Лица не видно.

Чистяков замер над изображением.

— Он её сопровождал?

— Он шёл за ней. На эскалаторе люди часто идут друг за другом.

Следующий кадр оказался важнее. Вера уже подходила к выходу. Телефон зазвонил, она остановилась и ответила. Несколько секунд говорила, затем резко повернула обратно, к лестнице, как будто собиралась вернуться в метро. Однако

затем всё же вышла на улицу.

— Входящий вызов в тринадцать сорок две, — прочёл Чистяков по детализации. — Девятнадцать секунд. Номер зарегистрирован на юридическое лицо.

Белова посмотрела в список.

— «Медиалайн-Снаб».

— Опять её работа.

— Пока только номер организации. Надо установить, с чьего аппарата звонили и кто имел к нему доступ.

* * *

Поздно вечером, когда Белова уже собиралась уходить, ей позвонила мать Веры. Женщина назвалась Тамарой Сергеевной и спросила, можно ли получить вещи дочери.

— Те, что не нужны для расследования, будут переданы в установленном порядке, — сказала следователь. — Мы сообщим вам, как это оформить.

— Там серый шарф должен быть. Вера всё время его носила.

— Белый, — поправила Белова и тут же пожалела.

— Белый ей Света подарила. А серый — старый. Я его сама вязала. Он остался у неё дома. Вы можете хотя бы сказать, что будет с квартирой? Там же ребёнок прописан.

Белова предложила обсудить это отдельно, с необходимыми документами и при желании с представителем. Тамара Сергеевна несколько раз сказала «спасибо» и начала прощаться, но затем остановилась.

— Инга Павловна, Соня спрашивает не про вещи. Она спрашивает, почему мама не позвонила, когда шла домой. Раньше всегда звонила. Я говорю, что телефон мог разрядиться. Это ведь может быть правдой?

— Может, — ответила Белова. — Но я не хочу обещать вам того, чего пока не установила.

— Она теперь каждый раз ждёт звонка с незнакомого номера. Думает, мама забыла телефон и позвонит с чужого.

Белова осталась у окна с трубкой в руке. Впервые за день последняя хронология Веры показалась ей не набором минут, а дорогой человека, который рассчитывал вернуться к ребёнку.

В тот вечер она решила, что следующий разговор с «Медиалайн-Снаб» начнёт не с накладных и не с денег. Она спросит, кто и зачем звонил Вере незадолго до того, как в подъезде слышали удар.

Глава 16. Служебный номер

В понедельник, тридцатого ноября, начальник отдела кадров «Медиалайн-Снаб» объяснил, что у них нет «служебного номера Веры Лебедевой» и никогда не было. Все сотрудники пользовались личными телефонами, а корпоративные SIM-карты оформлялись только на руководство.

— Я спрашиваю о входящем соединении, — сказала Белова. — В тринадцать сорок две, тринадцатого ноября. Исходящий номер зарегистрирован на вашу организацию.

Мужчина в синем галстуке вздохнул и вызвал секретаря. Та принесла список аппаратов, закреплённых за офисом. Номер из детализации находился в этом списке. Рядом было написано: «пост охраны, вход Б».

— Охрана у нас подрядная, — поспешил добавить начальник отдела кадров. — Мы им телефон дали, чтобы водители могли позвонить, когда приезжают ночью. Кто именно пользовался — узнавайте у охранной организации.

— У какой?

Он назвал организацию, уже знакомую Беловой по документам Чистякова. Несколько лет назад там работал Сергей Кондратьев. А теперь предприятие продолжало обслуживать входы и шлагбаумы склада «Медиалайн-Снаб».

В кабинете на минуту стало тихо. Белова не собиралась делать вывод из того, что бывший сотрудник полиции ко-

гда-то числился в той же компании, что и дежурный охранник. Сначала следовало установить смену, аппарат и человека, который его взял.

— Кто отвечал за пост тринадцатого ноября?

Начальник кадров набрал внутренний номер. Попросил принести табель. Потом несколько раз повторил, что организация заинтересована в сотрудничестве.

— Я это слышу, — сказала Белова. — Теперь помогите получить документы.

* * *

Дежурного охранника звали Пётр Карпухин. Его нашли не по табелю, а по журналу выдачи сменных ключей: табель составляли заранее, а Карпухин в пятницу поменялся с коллегой. Он подтвердил, что находился на посту у входа Б с полудня до вечера.

— Я Лебедевой не звонил, — сказал он.

— Телефон находился у вас?

— На столе. Кто угодно мог попросить позвонить. У нас водители так делают, когда у них свой аппарат сел. Но обычно я сам набираю диспетчеру.

— Кто подходил к столу после часу?

Карпухин задумался.

— Два водителя, девушка из закупок, ещё сотрудник с папкой. Я не записывал каждого, кто заходил на пост.

— Девушка из закупок — это кто?

— Марина... Нет, Татьяна. Савина. Кажется. Она часто

приходит с маршрутными листами.

Так звали сотрудницу, которая заменяла Веру в рабочей переписке после её смерти. Белова не произнесла его вслух.

— Вы помните, брала ли она аппарат?

— Я выходил на улицу машину проверить. Когда вернулся, она стояла возле стола, разговаривала. С кем — не знаю. Я не вслушивался. Это ведь общий телефон.

— Во сколько вы выходили?

— В час с чем-то. Может, ближе к двум. Надо по журналу транспорта смотреть. Там пропуск водителю отмечал.

Белова попросила оформить передачу журнала и уточнить время по другим источникам. Сами слова охранника не позволяли установить, кто сделал звонок в тринадцать сорок две. Но прежнее предположение, что звонок поступил из обычного офиса Веры, оказалось неточным: аппарат стоял на посту, через который проходили поставщики и водители.

* * *

Татьяна Савина пришла после обеда. Ей было около тридцати. Волосы собраны в тугий хвост, на безымянном пальце — кольцо с маленьким красным камнем. Она принесла служебный блокнот и заранее выписанные даты, хотя Белова не просила готовить объяснение.

— Веру я знала хорошо, — сказала она. — Мы сидели через стол. Не подруги, но работали вместе пять лет.

— В пятницу тринадцатого ноября вы звонили ей с поста охраны?

Савина закрыла блокнот.

— Да.

Чистяков посмотрел на Белову. Та никак не отреагировала.

— Почему с поста?

— Мой телефон в тот день выключился. Я должна была ехать на склад, а у Веры оставалась копия одного договора. Она обещала принести. Я спросила, когда ждать.

— Где обещала принести?

— Ко мне. На склад.

— Она была возле метро, недалеко от своего дома. Почему вы решили, что она приедет к вам?

— Потому что утром она сама так сказала. Мы переписывались.

— Покажете переписку?

— Её нет.

— Удалили?

— У меня телефон заменили. Старый сломался, доступ к части сообщений не восстановили.

Белова попросила назвать обстоятельства замены. Савина рассказала про падение аппарата, мастерскую и новый телефон. Всё это следовало проверить отдельно.

— О каком договоре шла речь?

— О поставке халатов. Вера искала расхождение. В одной версии документа стояла дата приёмки, которая не совпадала с накладной. Мне нужно было сверить копии.

— Вы видели её живой в пятницу?

— Нет. Не видела.

— После разговора она вам перезванивала?

— Нет. Я вечером узнала, что она погибла.

— От кого?

Савина потёрла пальцем красный камень на кольце.

— В рабочем чате написали. Я уже дома была.

— Во сколько?

— Не помню. Вы, наверное, можете посмотреть.

Белова попросила перечислить, кому Савина рассказывала о разговоре с Верой. Та назвала руководителя закупок и кладовщика. Потом вдруг спросила:

— А что, теперь из-за меня получается, будто я её вызвала в подъезд?

— Пока мы выясняем, зачем вы с ней связывались. Ваши слова о договоре можно проверить.

Савина кивнула, но лицо у неё изменилось.

— Я не хотела, чтобы она туда ехала. Я как раз сказала: оставь документы у Светы, потом разберёмся. А она отвечала, что должна забрать ещё один лист из квартиры. И что если сегодня не принесёт два экземпляра вместе, потом будет поздно.

— Поздно для чего?

— Она не объяснила. Сказала: «Они всё переподпишут».

Последние слова Белова попросила повторить. Савина воспроизвела их так же, без паузы.

— Почему не рассказали об этом раньше?

— Меня никто не спрашивал, кто с ней говорил. В отделе всем было известно только, что Веру убили. Я не думала, что её рабочие документы кому-то понадобятся.

Белова не стала спорить. Память свидетеля могла менять разговор под влиянием вопросов, и особенно опасно было принимать за дословную фразу то, что появилось через семнадцать дней. Она записала слова как воспоминание Савиной и отметила необходимость проверить рабочие сообщения, где упоминалась переподписанная накладная.

— Где второй экземпляр договора сейчас?

Савина посмотрела на неё.

— Не знаю. У Веры был один. А второй в тот день забрал отдел внутреннего контроля. Сказали, они сами сверят и выдадут исправленный.

— Кто именно забрал?

— Не помню фамилии. Мужчина. У нас каждый месяц кто-нибудь проверяет бумаги.

— Он предъявлял удостоверение? Расписывался за документы?

— Нет. Его привёл директор. Я и решила, что так можно.

* * *

К вечеру Чистяков проверил последние действия, которые следовало выполнить ещё до предположений об участии Савиной. Организация подтвердила факт передачи партии копий во внутренний контроль в пятницу. Но назвать долж-

ность и фамилию получателя не смогла. Журнал движения документов вели в электронной таблице, куда любой сотрудник отдела закупок имел доступ на редактирование.

— Получается, у них опять можно переписать вчерашнее число сегодняшним, — сказал он.

— Можно. Но это не значит, что его переписали, — ответила Белова.

Он повернул монитор. На экране была история версий таблицы. Строку с документами Веры создали в пятницу, тринадцатого ноября, в девять тридцать семь. В ней значилось: «Передано на внутреннюю сверку, два экземпляра». В понедельник строку исправили: «Получен один экземпляр, второй отсутствует».

— Откуда история? — спросила Белова.

— Администратор системы сохранил резервную копию при обновлении сервера. Пока это не доказательство умысла, но можно установить, кто изменил строку.

— Установите.

Он открыл технический журнал. Изменение внесли с учётной записи директора. С того же рабочего места, откуда в пятницу утром создали первоначальную строку. Сам директор утверждал, что в понедельник до обеда находился в командировке.

Белова изучила два листа рядом. В одном человек был отмечен как получивший два экземпляра. В другом — как никогда не получавший второй. Возможно, строку исправили

после инвентаризации. Возможно, уничтожали след исчезнувшего документа.

Заодно Чистяков вернулся к материалам Вишнякова. Специалист подтвердил время обоих сообщений о Лебедевой: тринадцать двадцать семь и четырнадцать восемнадцать. Подтверждение касалось доставки сообщений на устройство, а не личности отправителя. Но в полной переписке имелась строка, которую журналист при первом разговоре передал лишь частично.

Белова открыла изображение экрана.

Вишняков ответил на первое сообщение: «О ком вы говорите?»

Отправитель через минуту написал: «Лебедева. Спросите, куда она делась после склада».

При первоначальном объяснении журналист сообщил фамилию. Второе предложение он не произнёс, а Белова, сосредоточенная на времени сообщения о смерти, не обратила на него внимания в приложенной полной переписке.

— Это моя ошибка, — сказала она Чистякову. — Текст был перед нами. Я читала его, но не знала тогда, что он означает.

— Теперь знаем?

— Теперь знаем, что нам специально предложили искать Веру на складе. Не что она там была.

Вера на склад не приехала. По подтверждённым данным, в тринадцать сорок она ещё находилась у метро. В тринадцать

сорок две получила звонок со складского поста. А неизвестный отправитель говорил журналисту о складе ещё раньше этого звонка.

Белова положила рядом распечатку первых версий рабочей таблицы «Медиалайн-Снаб». В девять тридцать семь утра в неё внесли строку о передаче двух экземпляров документа на внутреннюю сверку. В понедельник сведения изменили. Возможно, исправили действительное число листов. Возможно, хотели убрать след бумаги, которую позднее никто не мог найти.

Теперь для проверки появились два вопроса, между которыми могло не быть связи: почему документы Веры задним числом объявили неполными и кто заранее направлял журналиста к месту, где она не появлялась.

Чистяков снял очки.

— Если кто-то хотел, чтобы все считали последним местом Веры склад, зачем было сообщать о её смерти до обнаружения тела?

Белова смотрела на два листа с отметками времени.

— Может быть, чтобы мы искали не там, где она погибла, а там, где она якобы была перед этим.

Она не записала эту догадку как вывод. На складе действительно могли ждать Веру. Возможно, кто-то ошибся, назвав несостоявшуюся встречу состоявшейся. Возможно, отправитель вообще не знал её маршрута, а только пересказывал чужой план.

Но один факт теперь требовал ответа: кто-то начал рассказывать о последнем пути Веры ещё до того, как этот путь закончился.

Глава 17. Два экземпляра

В первый день декабря Белова получила два ответа на один запрос. Оба были подписаны генеральным директором «Медиалайн-Снаб». В одном говорилось, что внутренний контроль компании никогда не изымал оригиналы документов из отдела закупок. В другом — что сведения о передаче документов Веры Лебедевой уточняются и окончательная информация будет предоставлена позднее.

Подпись внизу была одинаковой. Даты различались на сутки.

— Они там вообще разговаривают друг с другом? — спросил Чистяков.

— Возможно, слишком много разговаривают, — ответила Белова. — И каждый пытается сделать так, чтобы отвечал другой.

Она отложила письма. За время проверки у них накопилось достаточно объяснений, в которых никто ничего не видел, но каждый был уверен в собственной добросовестности. Бумага не умела лгать сама. Лгали люди, а иногда просто торопились закрыть вопрос и оставляли после себя фразу, которую невозможно было проверить.

Чистяков принёс результаты осмотра офисного компьютера, на котором в понедельник изменили строку о двух экземплярах договора.

— Учётная запись директора, — напомнил он. — Но это не значит, что он сидел перед экраном. На компьютере открывали общую папку и в пятницу, и в понедельник. Пароль знали три человека.

— Кто признался, что знал?

— Директор, его помощница и начальник бухгалтерии. Оставались записи о входах в систему, но на них нет фамилии того, кто нажал клавишу.

— Список сотрудников, имевших физический доступ к кабинету, получили?

— Пока только пропуска. В понедельник в девять двенадцать туда заходила помощница. Потом уборщица, затем начальник бухгалтерии. Сам директор, как он говорит, находился в Ярославле.

— А в пятницу?

— Директор был в офисе. Первую строку мог создать лично. Но он говорит, что никогда не работал в таблице закупок.

Белова попросила открыть первоначальный вариант записи. В девять тридцать семь значилось: «Передано на внутреннюю сверку, два экземпляра». Ни фамилии получателя, ни номера акта. Только формула, удобная для отчётности.

— Когда это написали, Вера была жива, — сказала она. — И ещё не отправлялась за документами домой. Получается, кто-то заранее записал их как переданные.

— Или назначил передачу и забыл изменить время.

— Вот это и выясним. Кто обычно заполнял эту строку и

по какому правилу.

Они не стали ехать в компанию всей группой. Белова назначила отдельные беседы работникам и попросила представить инструкцию по документообороту. Инструкции не оказалось. Взамен прислали снимок внутреннего чата за прошлое лето: руководитель закупок объяснял сотрудникам, что в таблицу следует заносить планируемую передачу до приезда проверяющего, «чтобы не задерживать машину».

— Выходит, запись в девять тридцать семь не подтверждает выдачу, — сказал Чистяков.

— Не подтверждает, — согласилась Белова. — Но и не объясняет, почему через три дня её исправили. Мне нужны те, кто ждал проверяющего.

* * *

Генерального директора звали Павел Николаевич Исаев. Он оказался невысоким, аккуратно одетым человеком с привычкой долго вытирать очки перед неудобным ответом. Его офис находился на третьем этаже бывшего проектного института. За окнами шёл мокрый снег, и дворник, не дожидаясь окончания осадков, уже толкал по асфальту широкую щётку.

— Мы не государственное учреждение, — сообщил Исаев. — Если сотрудник отдал копию договора моему помощнику, он мог не составлять акт. Это рабочий процесс.

— Ваш помощник получал бумаги Веры Лебедевой тринадцатого ноября?

— Я не помню. Мы сейчас много чего получаем.

— Татьяна Савина говорит, что вы привели неизвестного мужчину, который забрал два экземпляра на внутреннюю сверку.

Исаев перестал протирать очки.

— Татьяна преувеличивает. Мужчина действительно приходил. Независимый консультант. Никакого изъятия не было.

— Назовите его.

— Мне нужно посмотреть договор.

— У вас с ним был договор?

— С компанией, в которой он работал. Я не обязан помнить каждого исполнителя.

Белова объяснила, что запрашивает сведения в связи с расследованием убийства его сотрудницы. Исаев вздохнул, позвонил помощнице и попросил принести папку по услугам внешней проверки. В ожидании папки он несколько раз спросил, действительно ли Вера умерла на лестничной площадке, а не в квартире.

— Это важно для ответа о документах? — спросила Белова.

— Нет. Просто её все любили.

Ответ прозвучал слишком легко. Но Белова не стала превращать интонацию в подозрение. Руководители нередко говорили о погибших сотрудниках готовыми фразами, потому что собственных у них не находилось.

Договор принесли через десять минут. Исполнитель назывался «Контур-Аудит», предмет — проверка расхождений в документах складской приёмки. В договоре не было фамилии человека, который приходил в пятницу, зато имелось приложение со списком сотрудников, допущенных на территорию заказчика. Два имени и одна фамилия, записанная без инициалов: Кондратьев.

Чистяков ничего не сказал. Белова прочитала строку и подняла глаза.

— Сергей Кондратьев работал у вас аудитором?

— Я не знаю, работал ли он в этой фирме, — сказал Исаев. — Его представили как человека по безопасности. Он должен был сопровождать проверяющих, потому что у нас были кражи на складе.

— Вы знакомы с ним лично?

— Видел несколько раз. Он умеет разговаривать. После него люди обычно начинают делать то, о чём с ними давно договорились.

— Что именно вам нужно было, чтобы Вера сделала?

Исаев посмотрел на папку. На её корешке было написано «2026. Исправления». Внутри, кроме договора, лежали копии актов по нескольким поставкам медицинских халатов. Цифры в них совпадали с документами, которые Светлана Грачёва передала следствию. Но подписи получателей на двух листах выглядели иначе.

— Она нашла ошибки, — произнёс Исаев. — В учёте бы-

вает. Хотела писать директору клиники. Я просил сначала разобраться у нас.

— Вам известно, что она боялась переподписания документов?

— Я просил подписать исправленные версии. Это не преступление.

— Какие именно исправления?

— Количество единиц. Даты отгрузки. Там была путаница с партиями.

— А зачем человеку по безопасности участвовать в исправлении накладных?

Исаев медленно положил очки на стол.

— Потому что до Веры у нас уже был сотрудник, который вынес документы и передал их конкурентам. Мы заплатили большие деньги. Я не хотел повторения.

— Когда Кондратьев впервые предложил вам услуги?

— Весной. Через знакомого. Вы думаете, я знал, что он бывший полицейский? Да, знал. Поэтому и доверял.

— Вы знали, что муж Веры тоже к нему обращался?

— Нет.

Белова задала вопрос ещё раз, указав, что разговор касается фактов, а не оценки его доверчивости. Исаев снова ответил отрицательно. Затем попросил записать, что в пятницу видел Кондратьева лишь с расстояния и точно не может подтвердить время его ухода.

У дверей Исаев неожиданно остановил следователей.

— Вера требовала не просто исправить даты. Она говорила, что товар вообще мог не приезжать на один из складов. Я сказал: не делай выводов, пока не получишь подтверждение. Она рассердилась.

— На какой склад?

— На тот, где Мезенцев. У нас других больших нет.

— Это было до её заявления в полицию?

— За неделю. Примерно в пятницу шестого.

Белова попросила уточнить дату по переписке. Исаев пообещал. На лестнице Чистяков спросил, верит ли она директору.

— Пока он сказал две вещи, которые можно проверить. Что Кондратьев участвовал в проверке поставок и что Вера сомневалась в существовании товара. Этого достаточно, чтобы не гадать о его характере.

* * *

Вечером Белова отдельно встретилась с Татьяной Савиной. На этот раз девушка пришла без блокнота. Она держала телефон двумя руками, словно боялась уронить его при каждом вопросе.

— Кондратьев был тем мужчиной, которого привёл директор? — спросила Белова.

— Я не знаю его фамилии. Высокий, тёмная куртка. Он больше слушал, чем говорил.

— Вам показывали его фотографию?

— Нет.

— Тогда я не буду подсказывать. Попробуйте сначала вспомнить, как он представился.

Савина смотрела на окно. За ним машина въезжала во двор так медленно, что свет фар почти не двигался.

— Он не представился, — сказала она. — Исаев назвал его Сергеем. Я решила, что он из внутренней проверки.

— В девять тридцать семь вы уже ждали передачу двух экземпляров?

— Да. Я внесла строку с директорского компьютера. У меня на своём таблица не открывалась. Мы ждали, что Вера принесёт ещё один лист. Но она отказалась отдавать оригинал, пока директор не покажет, что именно меняют.

— То есть в строке заранее написали то, чего не произошло.

— Мы так всегда делали. Потом исправляли.

— В понедельник вы исправили?

Савина посмотрела прямо на следователя.

— Нет. Я тогда была в отпуске за свой счёт. Первый день после её смерти. Дома сидела.

— А кто мог изменить запись?

— Кто угодно из тех, у кого есть пароль. Пожалуйста, вы не пишите, что это была я, только потому, что однажды я его знала.

Белова пообещала зафиксировать именно сказанное. Но на выходе Савина всё-таки вернулась.

— Тот Сергей спросил, где Вера живёт. Не у директора. У

меня. Сказал: если бумаги не привезёт, можно отправить курьера. Я адрес не дала. Он и так лежал в кадровой карточке.

— Когда он спросил?

— В пятницу, после десяти. А вечером я узнала, что она умерла.

— И вы не рассказали об этом в первый раз?

— Я думала, если скажу, все решат, что я помогла найти её.

Белова ждала, пока Савина застегнёт пальто. Вся эта история могла оказаться рассказом испуганного человека, который пытается опередить подозрения. Но если Кондратьев действительно выяснял домашний адрес Веры, связь между подложным объяснением и рабочими документами становилась значительно теснее.

Когда Савина ушла, Белова перечитала её слова о курьере. Убить женщину — не то же самое, что забрать бумаги. Кто-то мог готовить одно, а произошло другое. Эту разницу следовало установить, прежде чем выбирать преступника.

Глава 18. Второй выход

В среду утром Чистяков привёз фотографии из кафе на Соколе. Работник заведения сохранил на личном телефоне запись с камеры у служебной двери: несколько недель назад управляющий попросил снять неисправный доводчик, и тот решил показать мастеру, как створка заедает. Съёмка длилась несколько минут. В кадре действительно проходил Олег Лебедев.

— Короткий фрагмент, — сказал Чистяков. — И случайно именно тринадцатого ноября.

— Не начинайте, — предупредила Белова. — Время проверено?

— Время создания файла зафиксировали при осмотре телефона. Но само время создания файла не доказывает, что съёмку нельзя было перенести. Исходник сохранён, устройство исследуют.

На кадре Олег выходил через служебную дверь в 13:46. Чистяков ожидал, что теперь его поймают на лжи: мужчина утверждал, будто просидел в кафе до двух. Но на записи Лебедев остановился у контейнерной площадки, зажёл сигарету и через три минуты вернулся тем же путём.

— Значит, не выходил раньше? — спросила Белова.

— Этого не доказать. Сохранился только этот короткий фрагмент. Он мог проходить и в другое время.

— Именно. Зато теперь мы знаем, что в тринадцать сорок шесть он находился здесь. Это важно для расчёта пути к дому Веры.

Они положили рядом схему проезда. От кафе до дома Лебедевых можно было добраться примерно за двадцать минут. Съёмка у служебной двери сама по себе не исключала поездки к Вере: момент убийства ещё не был установлен с точностью до минуты. Белова попросила специалиста повторно оценить допустимый временной интервал, не подгоняя вывод под маршрут мужа.

— Я бы хотел его отпустить, — сказал Чистяков. — Не по делу. Из этого списка, где все его ненавидят.

— Тогда найдите факты, которые позволят исключить его участие. Не чувство, что на его месте мог оказаться кто угодно.

* * *

Олег пришёл к Беловой после обеда и впервые не стал начинать с объяснения собственной невиновности.

— Я видел Сергея, — сказал он. — Не в кафе. У метро. Адвокат медленно повернул к нему голову.

— Вы раньше утверждали, что он вообще не приехал, — напомнила Белова.

— И сейчас утверждаю. В кафе не приехал. Когда я вышел, у перехода стояла машина. Он сидел на пассажирском месте. Я узнал его, но он отвернулся.

— Какого цвета была машина?

— Тёмная. Может, синяя. Не помню марку.

— Вы подходили?

— Нет. Я разозлился. Звонил ему, он сбрасывал. А потом решил, что он просто не хочет, чтобы я видел человека за рулём.

— Это произошло до двух или после?

— После. Мне кажется, около четырнадцати десяти.

Белова не стала записывать его догадку о водителе как факт. Зато уточнила, почему Олег не сказал этого раньше.

— Я не хотел выглядеть человеком, который выдумывает встречу. А теперь вы показываете, что он в тот день мог находиться совсем рядом. Я решил: скажу всё.

— Вам известен регистрационный номер?

— Нет.

— У машины была какая-то примета?

Олег помолчал.

— На заднем стекле белая наклейка. Не реклама. Силуэт собаки. Может, волка.

— Вы уверены, что это была именно машина Кондратьева?

— Нет. Я уверен, что увидел Сергея на пассажирском месте.

Белова потребовала не писать в справке «установлена машина Кондратьева». Не установлена. Вполне возможно, Олег видел кого-то похожего. Но на исходе третьей недели появилась возможность сравнить его слова с уличными ка-

мерами и автомобильным движением у метро.

Перед уходом Олег остановился у двери.

— Соня мне не отвечает, — сказал он. — Я знаю, вы не решаете это. Просто... Если её будут спрашивать, скажите, что я не просил маму возвращаться в квартиру. Я не знал, что она вернётся.

— О вашей дочери мы будем говорить через законного представителя и специалистов, когда это понадобится, — ответила Белова. — Я не стану передавать ей ваши объяснения.

Он кивнул. Не спорил. На этот раз это выглядело не облегчением, а поражением.

* * *

В тот же вечер Поляков встретился со своей семнадцатилетней дочерью Катей. Она приехала сама, написала с остановки, что хочет поужинать без долгих разговоров о школе. Он выбрал кафе недалеко от дома, где было достаточно тихо, чтобы слышать друг друга, но не настолько тихо, чтобы приходилось шептаться.

— Ты выглядишь так, будто тебя выгнали, — сказала Катя, когда он снял куртку.

— Меня не выгнали. Меня проверяют.

— Я знаю. Мама сказала.

Она не стала спрашивать, виноват ли он. Андрей был ей благодарен и сразу почувствовал стыд за эту благодарность. Он ведь тоже молчал в те вечера, когда дочь хотела услышать от него что-нибудь кроме «уроки сделала?».

— А если тебя вернут, — спросила она, — всё будет как раньше?

— Не знаю.

Катя разломилла кусок хлеба. Половину положила рядом с тарелкой, вторую оставила в руках.

— Ты всегда говоришь, что надо делать по инструкции. Так было и когда я маленькая была. Если боишься — позвони взрослым. Если потерялась — стой у кассы. Если кому-то плохо — вызови помощь.

— Это хорошие правила.

— Да. Только ты иногда забываешь спросить, стало ли после них человеку легче.

Он хотел возразить, но не стал. Вера ушла из кабинета с талоном, номерами телефонов и инструкцией, куда обращаться. На следующий день её убили. Андрей мог объяснить каждое своё действие служебными правилами. Ему было труднее ответить, почему женщина оставалась без защиты.

— Сегодня девочка ждёт звонка от мамы, — сказал он.

Катя подняла глаза.

— Я знаю. Про это тоже писали.

— Мне кажется, я был обязан сделать больше.

— Может, был. Но если ты теперь будешь всё делать вместо всех, получится ещё хуже.

Эту фразу он слышал от собственной дочери, а не от следователя, и потому впервые принял без внутреннего сопро-

тивления.

После ужина они пошли до метро пешком. Катя рассказала про подготовку к экзаменам. Андрей слушал. Когда она уехала, он ещё долго стоял у турникетов, вспоминая, что в уголовном деле любой человек превращается в строку: потерпевшая, заявитель, свидетель. Гораздо тяжелее было помнить, что у каждой строки есть кто-то, кто вечером ждёт её дома.

* * *

Утром четверга Чистяков принёс более надёжную запись. Камера на противоположной стороне улицы сохранила фрагмент движения возле перехода. В 14:08 тёмный автомобиль с белой наклейкой на заднем стекле остановился на короткое время. Рядом проходил мужчина, похожий по комплекции на Олега. Внутри автомобиля лиц не было видно.

— Совпадает, — сказал Чистяков.

— Совпадает часть описания, — поправила Белова. — Наклейка может встречаться у сотен водителей. Нужны номер, маршрут, человек, который подтвердит посадку пассажира.

Регистрационный номер удалось прочитать только частично. Белова не разрешила разослать снимок по знакомым сотрудникам с просьбой узнать автомобиль. Оформили необходимые запросы. На экране оставалась машина, в которой мог сидеть человек, согласившийся «помочь поговорить с Соней», а затем исчезнувший.

Кондратьев к тому времени уже трижды переносил назначенную беседу. Каждый раз через представителя передавал уважительную причину: командировка, больной родственник, необходимость ознакомиться с содержанием обращения. Ни одна причина не подтверждала преступления. Но теперь вопросы к нему переставали относиться только к старой футбольной дружбе.

— Если он появится, — сказала Белова, — не начинайте с вопроса, где он был, когда убили Веру. Начните с того, кто поручил ему изучать её документы. От одного разговора может зависеть, какую версию он выберет.

Чистяков задумался.

— А вдруг он вовсе не знает про убийство? Только помогает работодателям и мужьям делать то, что они сами не решаются?

— Тогда пусть расскажет, какую именно помощь продаёт.

В этот момент зазвонил телефон. Из технического подразделения сообщили, что найден автомобиль, который мог соответствовать частично читаемому номеру. Он принадлежал не Кондратьеву и не Олегу.

Владельцем числилась компания, зарегистрированная в одном офисе с «Контур-Аудитом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.